

На правах рукописи

ПЕТРОВСКИЙ Антон Владимирович

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-НОРМАТИВНАЯ СИСТЕМА
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

**Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук**

Краснодар, 2023

Работа выполнена на кафедре уголовного права и криминологии
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Кубанский государственный университет»

Научный консультант: доктор юридических наук, профессор
Милюков Сергей Федорович

Официальные оппоненты: **Клейменов Михаил Петрович**
доктор юридических наук, профессор, заслуженный
деятель науки Российской Федерации, заведующий
кафедрой уголовного права и криминологии
ФГАОУ ВО «Омский государственный университет
им. Ф.И. Достоевского»

Максимов Сергей Васильевич
доктор юридических наук, профессор, советник
руководителя Федеральной антимонопольной
службы (ФАС России)

Меркурьев Виктор Викторович
доктор юридических наук, профессор, руководитель
отдела научного обеспечения прокурорского
надзора и укрепления законности в сфере
федеральной безопасности, международных
отношений, противодействия экстремизму
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской
Федерации»

Ведущая организация: Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации»

Защита диссертации состоится «21» февраля 2024 г. в 10 ч. 00 мин. на
заседании диссертационного совета 24.2.320.07 по юридическим наукам,
созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет»
по адресу: 350000 г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 43, ауд. 11.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Кубанский государственный университет» (www.kubsu.ru).

Автореферат разослан «__» ноября 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета 24.2.320.07,
кандидат юридических наук, доцент

Лукожев Хусен Манаевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Правовая система в области противодействия преступности в любой стране определяется свойствами законодательства, спецификой правосознания, правовой культурой, этнокультурными особенностями населения. Преступное поведение человека есть результат преломления социальной действительности сквозь призму психики и личностных качеств человека на этапах формирования антиобщественных установок, криминальной мотивации, принятия решения, исполнения соответствующего намерения в процессе приготовления к преступлению и непосредственного его совершения. Законодателю и практическим работникам необходимо учитывать, что социум, микрогруппы, этнические, территориальные, профессиональные сообщества способны как аккумулировать и генерировать антикриминальную культуру, установки и правила, так и устранять или нейтрализовать криминогенные детерминанты.

Россия – полиэтническая и многоконфессиональная страна (190 национальностей и народностей), 66% населения считают себя исповедующими христианство, 7% – ислам, 1% – буддизм и иудаизм¹. Этнокультурные и географические условия неизбежно оказывают влияние на практики предупреждения преступного поведения в каждом из субъектов федерации. В отдельные исторические периоды в России регулирование общественных отношений в сфере предупреждения преступлений осуществлялось не только общегосударственными законами, но и обычными (традиционными), религиозными, профессиональными нормами². Современное превентивное законодательство в большей степени ориентировано на рецепцию норм общего и/или континентального европейского права, устанавливает правила, чуждые традициям народов, и обязанности, не всегда соответствующие культурным установкам. Причина заключается в отсутствии глубоких исследований антикриминального поведения, свойственного этническим, территориальным, профессиональным группам, с целью их возможной адаптации к российским профилактическим практикам; в скептическом отношении научного сообщества к возможности взаимодействия этнокультурных, традиционных, религиозных норм с публичным законодательством в сфере предупреждения правонарушений. Отказ от использования профилактических мер, имеющих архетипичную природу, сформированных в определенной этнокультурной среде, в региональных либо муниципальных превентивных процессах, обедняет криминологическую науку, лишает ее возможности предложить государству эффективные средства нейтрализации и устранения причин преступного поведения. Такая дискретность порождает субъективное искажение правоприменителями юридических принципов, ведет к примитивизации и формализации деятельности по предупреждению преступлений.

Юридические и иные социальные нормы, преломляясь через субъективное правосознание, воздействуют на поведение индивидов, которое является одним из важных объектов антикриминальной предупредительной деятельности. Превентивный потенциал отдельных неюридических социальных норм уже становился объектом научного познания, однако теоретические и практические аспекты инсти-

¹ Российский статистический ежегодник. 2020. С. 98 // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/KrPEshqr/year_2020.pdf; Великий пост – 2021. Аналитический обзор // Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021>

² Гайдеров А.А. Традиционные и религиозные факторы в формировании правовой системы России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 3.

туционального взаимодействия и взаимовлияния традиций (обычаев), религиозных и корпоративных правил как на уголовное, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное, административно-деликтное, криминологическое законодательство, так и на практики предупреждения преступного поведения остаются малоизученными. Для дальнейшего развития страны государственная политика должна учитывать этнокультурные особенности, которые станут фундаментом национальной идеи, используемой в правоохранительной деятельности³. Это актуализирует вопрос о месте и роли неюридических социальных норм в системе предупреждения преступного поведения, их функциях в регулировании общественных процессов по осознанию сути криминального явления, нейтрализации его причин и условий, формировании правопослушности, что, в свою очередь, предполагает переосмысление перспектив использования для формирования криминологического законодательства религиозных, традиционных, профессионально-корпоративных норм и практик их применения в социальной действительности.

Такой подход способствует созданию в России эксклюзивной системы превентивного законодательства, исполнение положений которого будет обеспечено не только государственным принуждением, но общественным давлением, внутренним убеждением человека в их справедливой необходимости. Именно такой симбиоз позволит национальной законодательной системе предупреждения преступного поведения приобрести уникальность, самобытность, оригинальность, более эффективно противодействовать процессам глобальной унификации профилактической деятельности российского государства.

Степень научной разработанности. Социальные нормы как элементы российской системы противодействия преступности привлекали внимание ученых, но в отношении традиционных и корпоративных правил превалировал взгляд на них с позиции детерминантов криминального поведения.

Теоретико-фундаментальная основа, выделившая в отдельную отрасль социальные нормы, регулирующие сферу отношений по изучению преступного поведения, криминальных детерминантов с целью разработки эффективного превентивного законодательства, нашла отражение в трудах таких авторов, как А.И. Алексеев, В.Н. Бурлаков, В.А. Зикеев, С.И. Герасимов, Д.Ю. Гончаров, Г.Н. Горшенков, А.В. Грошев, Г.В. Дашков, А.П. Закалюк, М.П. Клейменов, Н.Ф. Кузнецова, В.В. Кулыгин, Н.А. Лопашенко, В.В. Меркурьев, С.В. Максимов, С.Ф. Милуков, В.Н. Орлов, Э.Ф. Побегайло, П.А. Сорокин, А.Я. Сухарев, В.А. Четвернин, Г.И. Чечель, Д.А. Шестаков и др.

Отдельные аспекты, касающиеся профилактической сущности традиционных, религиозных и иных неюридических норм, затронуты в работах А.Н. Варыгина, М.М. Быргэу, С. Боронбекова, Я.И. Гилинского, А.Л. Гуриной, С.У. Дикаева, М.С. Дикаевой, А.Э. Жалинского, Р.В. Журбина, И.А. Ильина, П.А. Кабанова, К.Н. Карповой, И.М. Клейменова, Л.В. Кондратюка, В.Н. Кудрявцева, А.Н. Литвинова, В.С. Нерсисянца, М.Л. Прохоровой, П.А. Сорокина, Н.В. Щедрина, В.Д. Филимонова и др.

Следует отметить, что весомый вклад в развитие криминологической подотрасли (криминотеологии), изучающей религиозные правила и установки как инструменты превенции криминального поведения, внесли ученые: В.А. Бачинин,

³ О стратегии национальной безопасности: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // ИПС «Гарант»; Путин В. Об историческом единстве русских и украинцев. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>.

В.В. Есипов, Г.Л. Касторский, Р.А. Папаян, О.В. Старков, Н.С. Таганцев, А.А. Тер-Акопов, Р.Г. Чеххидзе, Г.Ф. Шершневич и др. Зарубежными учеными также рассматривались возможности инкорпорирования в механизмы социального контроля традиционных или религиозных способов противодействия отдельным преступным посягательствам, что отражено в монографических трудах J. Albanese, M. Abdelbaqi, T.W. Bennett, J. Bentam, D. Garland, L. Huuse, V. Malinowski, S. Roberts, M. Salter, N. Shalhob, J. Treadwell и др.

Институциональные связи норм права, связанных с противодействием преступности, рассматривались в трудах таких деятелей науки, как А.В. Денисова, М.С. Жук, А.Н. Исаев, В.П. Коняхин, Н.И. Пикуров, Е.Ю. Пудовочкин, В.А. Четвернин и др.

Отмечая значимость ранее осуществленных исследований, необходимо обратить внимание на то, что комплексно нормы как юридического, так и социально-антропологического характера, регулирующие отношения в сфере предупреждения преступного поведения, их институциональность, объектом монографического рассмотрения не становились. Вопрос существования криминологического законодательства как межотраслевой нормативной формации, обладающей институциональными связями с неюридическими нормами и практиками, пребывающими в социальной действительности, остается дискуссионным и теоретически не разработан. Не сформулирован понятийно-категориальный аппарат: нет четких определений криминологической (профилактической) нормы, антикриминальной традиционной, религиозной и профессионально-корпоративной нормы (практики), профилактики преступлений религиозными объединениями, профилактики преступлений общественными организациями, потестарной профилактики правонарушений и антиобщественного поведения, а также терминологии, необходимой для создания криминологического федерального и регионального законодательства. Данные обстоятельства предопределяют целесообразность системного изучения указанной совокупности проблем и восполнения пробелов, что и было осуществлено в рамках настоящей диссертационной работы.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с формированием и реализацией выражающих антикриминальную волю государства и общественных групп юридических, а также иных социальных нормативных институтов предупреждения преступного поведения.

К предмету исследования относятся явления, факты, юридические нормы, традиционные, религиозные, профессионально-корпоративные правила поведения, этнокультурные и моральные установки, реализующие функции общей и/или индивидуальной превенции преступного поведения; устойчивые внешние и внутренние связи между юридическими и иными социальными нормами, обеспечивающие стабильность превенции преступлений и правонарушений, устраняющие либо нейтрализующие индивидуальную преступную мотивацию, формирующие правопослушную ментальность; социально-антропологические установки и законодательные предписания, содержащие информацию, воздействующую на способность индивидуумов воздержаться или отказаться от совершения преступлений; совокупность мер антикриминального властного и общественного воздействия, а также алгоритмы их применения.

Цель диссертационной работы состоит в разработке теоретических основ формирования институциональной системы юридических и иных социаль-

ных норм превентивного характера, призванных регулировать отношения в сфере предупреждения преступного поведения, а также в обосновании превентивно-антикриминальной функции этой системы, способной быть генератором возникновения, формирования, эволюции соответствующих норм и институтов.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи**:

- определить методологию познания и методики исследования юридических (формальных) и иных социальных (неформальных) норм, нормативных институтов предупреждения преступного поведения;

- изучить философские, социологические, криминологические, уголовно-правовые доктрины, обосновывающие генезис и существование институциональных особенностей юридических (формальных) и иных социальных (неформальных) норм (нормативных институтов), регулирующих предупреждение преступного поведения;

- рассмотреть содержательное и сущностное значение нормативных регуляторов предупреждения преступного поведения, институциональные свойства криминологических норм, определить эффективность нормативных криминологических институтов;

- провести компаративистский, в том числе сравнительно-исторический, обзор взаимодействия неформальных и формальных норм, противодействующих криминальным явлениям как на внутригосударственном, так и на международном уровне, дать оценку международным нормам в сфере криминологической деятельности, подтвердить феномен взаимодействия норм эмпирическим путем;

- оценить профилактическую сущность и институциональную роль юридических норм, нормативных институтов российской антикриминальной превентивной системы, содержащихся в административно-деликтном, уголовном, уголовно-исполнительном, уголовно-процессуальном, криминологическом законодательстве;

- выявить закономерности взаимодействия традиционных, религиозных, профессионально-корпоративных правил и практик с антикриминальным законодательством России;

- охарактеризовать институциональную роль и значение для предупреждения преступного поведения моральных, религиозных, традиционных, профессионально-корпоративных норм, нормативных институтов и практик;

- дать криминологическую оценку возможности симбиоза юридических и иных социальных норм для институционального регулирования предупреждения преступного поведения на различных стадиях.

Методология и методика исследования. Для объективного и достоверного исследования была определена методологическая база, основанная на следующих аспектах: 1) социально-философском, рассматривается система юридических (формальных) и иных социальных (неформальных) норм предупреждения преступного поведения, их институциональность, нормативность как самоорганизованные, саморазвивающиеся, исторически изменчивые антикриминальные проявления жизнедеятельности людей; 2) философско-гносеологическом, природа существования формальных (неформальных) криминологических норм воспринимается с позиций нормативной полноценности (неполноценности), достоверности, истинности, реального положения в системе регуляторов превенции преступного поведения.

В основу исследования положен всеобщий диалектический метод, позволяющий изучить объективно существующие закономерности, сущность и содержание с точки зрения: 1) институций – превентивных юридических норм, обычаев и традиций общества; 2) институциональности – закрепления обычаев, традиций, социальных потребностей в виде профилактических законов и элементов реальных правоохранительных практик.

Использование методов индукции и дедукции способствовало познанию предмета, выявлению диалектических зависимостей, свидетельствующих о том, что одновременное существование формальных и неформальных превентивных норм, не всегда гармоничных по отношению друг к другу, обладающих однонаправленной сущностью и содержанием, порождает двойственность правоприменения. Использование принципа детерминизма позволило определить универсальные взаимосвязи и закономерности: чем выше уровень взаимодействия и взаимопроникновения между юридическими (формальными) и иными социальными (неформальными) нормами, тем эффективнее антикриминальная превенция, а чем он ниже, тем неудовлетворительнее ситуация с предупреждением преступного поведения.

Кроме того, были использованы общенаучные и частно-научные методы, такие как анализ, синтез, сравнительно-исторический, сравнительно-правовой, системный, структурный, формально-догматический, формально-юридический методы, метод классификации, моделирования и т.д.

Нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации (далее – РФ), международные правовые акты, профилактическое, уголовное, административно-деликтное законодательство, как современное, так и его исторические аналоги, а также уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное законодательство, законодательство субъектов РФ, регулирующие как предупреждение правонарушений в целом, так и профилактику отдельных видов преступной деятельности, ведомственные нормативные правовые акты МВД РФ, Федеральной службы исполнения наказания РФ, Следственного комитета РФ, Генеральной прокуратуры РФ. Кроме того, в работе использовались нормативные положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства таких государств, как Беларусь, Узбекистан, Казахстан, Исламская Республика Иран, Исламская Республика Пакистан, Объединенные Арабские Эмираты, а также положения профилактического законодательства Венгрии, Словении.

Теоретическую основу диссертации составляют научные труды по общей теории права, юридической антропологии, международному, конституционному, уголовному, административному, уголовно-исполнительному, уголовно-процессуальному праву, криминологии, предупреждению преступлений, истории, философии, религиоведению, социологии, этнологии, психологии.

Формулирование теоретических положений и практических рекомендаций по проблематике исследования базировалось на трудах отечественных и зарубежных ученых по философии (Т. Адорно, И. Бенгама, В.А. Бачинина, Ю.И. Бытко, Г.В.Ф. Гегеля, Г.Д. Гурвича, Ю.Н. Давыдова, Э. Дюргейма, Г. Спенсера, А.А. Тер-Акопова, М. Фуко, М. Хоркхаймера и др.), теории государства и права (С.С. Алексеева, Р. Давида, К. Жоффре-Спинози, Г. Еллинека, Р.З. Лившица, А.В. Малько, Н.И. Матузова, Л.И. Спиридонова и др.), юридической антропологии (Б. Малиновского, В.С. Нерсисянца, Н. Рулана и др.), религиоведению (Г.Дж. Бермана, Б.Дж. Вайса, С. Боронбекова, Р.Х. Гилязутдинова,

М. Кука, Н.П. Остроумова и др.), истории (Н.М. Азаркина, Э. Аннерс, А.Д. Градовского, С.И. Исаева и др.), уголовному праву (Т.В. Кленовой, И.Д. Козочкина, В.П. Коняхина, А.И. Коробеева, Л.Л. Кругликова, Ю.Е. Пудовочкина, В.Д. Филимонова, И.Я. Фойницкого, А.И. Чучаева и др.), криминологии (Г.А. Аванесова, А.И. Алексеева, Ю.М. Антоняна, В.Н. Бурлакова, Ч. Беккариа, Я.И. Гишинского, Г.Н. Горшенкова, А.И. Долговой, Г.Л. Касторского, Н. Кристи, М.П. Клейменова, Н.Ф. Кузнецовой, В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.Я. Сухарева, Г. Тарда, Д.А. Шестакова, В.Е. Эминова и др.), уголовно-исполнительному праву (А.Я. Гришко, С.М. Зубарева, В.Б. Малинина, Л.Б. Смирнова и др.), социологии (Л.А. Акимовой, П.А. Сорокина, Т.В. Шипуновой и др.), этнологии (Б.Х. Бгажнокова, Ф.И. Леонтовича, Л.Я. Люлье, Г. Мэйна, Г.Т. Тавадова и др.), психологии (Р. Блэкборна, К.Г. Юнга и др.).

Эмпирическую базу исследования составили:

– статистические данные за 2010–2022 гг., подготовленные Главным информационно-аналитическим центром МВД РФ, Генеральной прокуратурой РФ, о состоянии преступности, криминологических характеристиках лиц, совершивших преступления в Российской Федерации и субъектах федерации;

– статистическая информация Федеральной службы государственной статистики РФ о доходах и расходах населения, национальном составе, экономическом положении населения России за 2010–2022 гг.;

– отчетность Федеральной службы исполнения наказаний РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ об осужденных лицах, судимости, видах и сроках наказания, назначаемых судами общей юрисдикции в Российской Федерации за 2015–2022 гг.;

– 250 приговоров судов Карачаево-Черкесской Республики, Краснодарского края, Республики Адыгея, Республики Дагестан, Республики Калмыкия, Пермской области, г. Санкт-Петербурга за 2010–2021 гг., размещенных в открытом доступе на сайтах Государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» и открытом сайте «Судебные и нормативные акты РФ» (sudact.ru);

– результаты метаанализа, основанные на уже существующих исследованиях по аналогичной или схожей проблематике: изучение нравственности, проводимое Институтом психологии РАН 2011–2013 гг., изучение социокультурного развития населения в Волгоградской, Смоленской, Ульяновской, Тюменской области, Республике Карелия за 2005–2007, 2008–2010, 2016–2019 гг. с общим числом респондентов 5053 чел.;

– данные криминологического анкетирования 392 жителей Геленджика, Краснодара, Новороссийска с последующим факторным анализом полученных данных на основе SPSS (Статистический пакет для общественных наук), позволившим подтвердить наличие закономерностей, связанных с присутствием традиционных нормативных институтов в антикриминальных практиках локального российского общества;

– информационные ресурсы общенациональных социологических исследований и опросов, проводимых ВЦИОМ, «Левада-Центр».

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней сформирована система логически и научно обоснованных положений, представляющих собой качественно новую теоретическую основу для создания российской си-

стемы криминологического законодательства на базе констатации взаимозаменяемости, взаимодополняемости, генерации юридических и иных социальных норм. В диссертационной работе впервые с помощью институционального нормативного подхода исследованы формальные и неформальные нормы, действующие в сфере предупреждения преступного поведения, способные функционировать как во взаимодействии с государственными структурами, так и отдельно от них, выступающие регуляторами антикриминальных коммуникативных отношений, характеризующиеся превентивной спецификой на уровне как содержания ценностей, так и их закрепления или оформления.

Детальное изучение сущности и содержания антикриминальных норм позволило сформулировать определение их криминорезистентности, т.е. способности нейтрализовать криминогенные детерминанты, оказывать социально полезное воздействие на ментальное сознание индивидов, составлять основу социального и персонального антикриминального регулирования поведения человека.

В конкретизированном виде научная новизна выражается в следующем:

– доказано существование в России и зарубежных государствах криминологического габитуса – совокупности сложившихся социально-этнических специфик, основанных на законодательстве, морали, нравственности, традициях (обычаях), религиозных и профессионально-корпоративных правилах, являющихся конститутивными для превентивных практик предупреждения преступного поведения;

– предложено и обосновано новое научное направление – криминологическая нормативная антропология, задачей которой будет выявление, изучение, анализ традиционных (обычных), религиозных, профессионально-корпоративных норм, сдерживающих преступное поведение в современных российских национальных либо географических сообществах, позволяющее более детально и приемлемо формализовать многие институты российской превенции, установить связь между криминологическими нормативными правовыми актами и социальным мышлением, их предопределяющим;

– изучено «состояние антикриминальной ментальности», т.е. психологическое состояние сопричастности существующим в государстве уголовно-правовым предписаниям, доверия нормативным императивам, веры в справедливость норм, направленных на устранение либо нейтрализацию криминальных проявлений;

– констатировано наличие нормативно-правовой общности юридического характера – криминологического законодательства, имеющего свои особенности и пределы, представляющего собой межотраслевую формацию, возникновение которой в современных условиях обусловлено практической целесообразностью и проблемами правоприменения;

– актуализирован вопрос о необходимости «превентивной юстиции», призванной процессуально обеспечить деятельность государственных механизмов по сбору, хранению, анализу криминологической информации, процедурному закреплению практической реализации превентивно-принудительного принуждения;

– озвучена концепция «превентивной стратегии» как методологического направления деятельности, ориентированной на устранение криминальных проявлений со стороны индивидуумов посредством комплексного использова-

ния уголовного наказания, принудительного профилактического воздействия и криминорезистентных возможностей общества.

Полученные результаты позволили обосновать комплекс предложений, направленных на изучение криминорезистентного потенциала юридических и иных социальных норм с целью повышения превентивного потенциала уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального, административно-деликтного, профилактического законодательства, позволяющих превратить криминологию в базовую дисциплину для создания уникального и эффективного превентивного отечественного законодательства и подготовки специалистов-криминологов.

Научная новизна проявляется в **положениях, выносимых на защиту.**

1. Криминологическая норма – это правило должного поведения, формируемое в рамках системы социальных коммуникаций, проявляющееся в общественном сознании, закрепляемое в виде законодательных положений либо социально-антропологических установок, имеющее исходящее из его сущности предназначение регулировать различные правоотношения в сфере познания преступности, преступлений, криминогенных детерминантов, а также предупреждать криминальные или антиобщественные деяния, нейтрализовать социально вредные и опасные потребности, установки, мотивации.

2. Институциональная система криминологических норм зависит от социальной детерминированности со стороны этнокультурных идеалов, ценностей, установок политического порядка и представляет собой организованный, саморазвивающийся, исторически изменчивый механизм, регулирующий предупреждение преступного поведения взаимодействующими и взаимовлияющими социальными нормативными институтами, где каждый элемент одновременно влияет на объективную реальность и на сущностное содержание российской превентивной политики, генерируя функциональные обязанности субъектов профилактики, антикриминальное сознание и антикриминальные практики поведения.

3. Криминологические нормы институционально дифференцируются на: 1) нормы-действия, реально существующие и порождающие эффективные механизмы принуждения, понуждения, правовоспитания; 2) нормы-дилеммы, присутствующие в криминологической действительности, но вместо намеченных создающие альтернативные профилактические механизмы и институты; 3) нормы-модели, существующие в социальной реальности, но не реализуемые профилактическими практиками.

4. Криминорезистентные нормативные регуляторы поведения – это совокупность требований, обладающих социальными и юридическими смыслами, которые содержательно не ориентированы на предупреждение преступного поведения, однако их использование влияет на сопротивляемость и защиту от криминальных проявлений, соответствует общественным потребностям, удовлетворяет социальный запрос на антикриминальную безопасность, порождает безусловно необходимую для предупреждения преступного поведения групповую либо индивидуальную реакцию.

5. Институциональная нормативность предупреждения преступного поведения представляет собой способность общества создавать систему норм антикриминального характера, содержащую фундаментальную социально-правовую и этнокультурную идею, воспроизводящую в объективной реальности результативные практики, устраняющие либо нейтрализующие причины и условия преступного поведения, реализуемые поэтапно взаимозависимыми государствен-

ными, региональными, муниципальными и общественными институтами; предусматривает обмен ресурсами и практиками с целью установления рационального порядка на основе закона, групповой морали, традиции, религии.

6. Условиями соответствия институционально-нормативной системы предупреждения преступного поведения социальным интересам, ценностным установкам, правовым и этнокультурным идеям, обеспечения их гармонии с исходными общеправовыми, отраслевыми, гражданскими принципами выступают следующие обстоятельства:

а) при совершении антиобщественных или социально-вредных деяний либо вероятности их совершения следует применять потестарное воздействие и принуждение со стороны социальных микрогрупп, семьи, коллектива;

б) в случае выявления преступного умысла или социально-психологической криминальной направленности либо совершения пограничных административных деликтов, преступлений небольшой тяжести необходимо применять сформулированные и легитимированные профилактические формы (меры) потестарного и полицейско-принудительного характера;

в) при наличии в деяниях индивида признаков преступления небольшой тяжести либо совершении преступления средней тяжести впервые следует использовать меры государственного принуждения с учетом личности виновного дифференцированно: либо уголовная ответственность, либо симбиоз уголовного наказания и принудительных мер профилактического характера, предусматривающих потестарные меры воспитания и исправления;

г) в случае совершения тяжких и/или особо тяжких преступлений, повторных преступлений средней тяжести, обнаружения признаков преступного профессионализма должна применяться селективная модель, предусматривающая для неисправимых преступников реализацию всей строгости уголовно-правовых и уголовно-исправительных мер воздействия, а для желающих встать на путь исправления – контролируемую государственными и общественными институтами систему мер коррекции, ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации.

7. Исторический и сравнительно-правовой анализ с учетом степени инкорпорированности в механизмы противодействия преступным посягательствам традиционных или религиозных норм позволяет дифференцировать существующие институционально-нормативные институты предупреждения преступного поведения и выделить среди них:

– национально-религиозные – это системы, в которых религиозные доктрины и правила доминируют в качестве источников криминологического законодательства, институтов принуждения, понуждения и социализации лиц, способных с высокой вероятностью совершить преступления, где юридические нормы не обладают признаком исключительности, а основа законотворческой, правоприменительной, превентивной деятельности государственных органов регулируется религиозными предписаниями;

– государственно-традиционные, допускающие использование общественных, семейных, этнокультурных норм наряду с законами для предупреждения преступного поведения, в рамках которых изменения, новшества, улучшения систем уголовного судопроизводства преломляются через социальную философию, национальный миропорядок, тысячелетние традиции, являющиеся неотъемлемой частью юридической культуры, где существует симбиоз

традиционных и законодательных нормативных предписаний, поддерживаемый законодательной политикой страны;

– легислативные, представляющие собой системы криминологических норм, полностью базирующихся на абсолютизации законодательного регулирования общественных отношений в области предупреждения преступного поведения, однако допускающие широкую автономию некоммерческих и религиозных организаций в реализации различных профилактических программ, связанных с ресоциализацией лиц, освобожденных из исправительных учреждения, реабилитацией больных алкоголизмом и наркоманией, деклассированных личностей, а также в сфере семейного влияния на криминогенные детерминанты.

8. Международные нормы в нормативно-институциональной системе предупреждения преступного поведения представляют собой правила деятельности, а также взаимоотношений государств и иных субъектов международного права в области профилактики преступлений. Их влияние на систему норм, регулиющую предупреждение преступного поведения в России, должно быть дифференцированным: обязательные нормы, преимущественно связанные с соблюдением прав и свобод человека, правоохранительных отношений, должны имплементироваться и исполняться, а морально-политические нормы должны восполняться национальным криминологическим законодательством, которое, используя подробные дефиниции, обязано толковать понятия, раскрывать сущность и содержание интернациональных превентивных практик.

9. Юридический (формальный) нормативный институт предупреждения преступного поведения – это системная совокупность общеобязательных государственных предписаний постоянного или временного характера, представляющих собой элементы или части уголовно-правовой, уголовно-исполнительной, уголовно-процессуальной, административно-деликтной, профилактической отрасли законодательства, подчиненных принципам и задачам общей и индивидуальной превенции, которые регулируют общественные отношения в сфере устранения и/или нейтрализации криминогенных детерминантов, антикриминального воспитания индивидуумов, порождая юридические последствия.

10. Криминологическое законодательство – это формирующееся нормативно-правовое комплексное межотраслевое образование, объединенное признаком функционального единства и направленное на урегулирование отношений в сфере криминологической деятельности государства, общества и индивида, где совокупность норм представлена и упорядочена как отдельными законодательными институтами, так и нормами отдельных отраслей права, предназначенными преимущественно для познания преступности, криминогенных детерминантов преступности и преступного поведения, устранения и/или нейтрализация причин и условий преступности (преступного поведения), а также достижения социального состояния антикриминальной ментальности и правовой покорности.

11. Пределы регулирования нормами криминологического законодательства общественных отношений в сфере предупреждения преступного поведения предусматривают этапы: 1) до исчезновения криминогенной антиобщественной направленности, криминальной потребности или мотивации; 2) до отказа от реализации преступного умысла; 3) до отказа от доведения преступления до конца и наступления общественно опасных последствий; 4) до раскаяния, исправления и формирования правопопулярных установок в процессе исполнения наказания, ресоциализации, реабилитации.

12. Для построения эффективной институционально-нормативной системы предупреждения преступного поведения необходима интеграция юридических и иных социальных норм криминологической направленности, повторяющих по нарастающей разнообразные меры (формы) профилактического воздействия в рамках различных нормативных институтов: обычно-традиционного, профилактического, административно-деликтного, уголовно-правового, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного.

13. Необходимо делегировать субъектам федерации исключительные полномочия в части создания законодательной системы превенции преступного поведения и конкретизации регионально-локальных форм (мер) принуждения по нейтрализации и/или устранению криминогенных детерминантов с учетом и на основе региональных морально-этнических ценностей, а также в части легитимации профессионально-ведомственной антикриминальной культуры поведения. Исходя из перспектив развития криминологического законодательства, п. «к» ст. 72 Конституции РФ требует дополнения и должен быть изложен в следующей редакции: *«1. В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся: ...к) административное, административно-процессуальное, криминологическое, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды».*

14. Криминорезистентная неформальная (неюридическая) норма – это правило поведения, имеющее естественно-обязательный характер, являющееся регулятором общественных отношений, закрепляющее поведенческие стереотипы, которые сложились в течение жизни нескольких поколений людей в результате многократного повторения, и направленное на удержание человека от совершения деяний, которые господствующими в социуме группами (классами) определяются как общественно опасные либо вредные для жизнедеятельности социума.

15. Основные задачи криминорезистентных неформальных норм: регулирование общественных отношений в сфере поддержания порядка в микрогруппах; закрепление внутренних требований индивида, не допускающих совершения действий, которые определяются как зло или неодобряемое (дурное) поведение; создание системы добросовестных взаимоотношений между членами сообществ, этнических групп в тех сферах общественной жизни, которые слабо регулируются нормативными правовыми актами.

16. Антикриминальные религиозные и традиционные нормы – это правила поведения, соответствующие онтологическим установкам или культурным практикам, выполняющие интегративно-превентивную функцию, находящиеся в тесной связи с уголовно-правовым запретом, укрепляющие социальную солидарность, реализующиеся в духовном и этническом воспитании, обуславливающие желание людей пресекать антиобщественные, противоправные явления или устранять криминогенные детерминанты.

17. Потестарная профилактика правонарушений – это допускаемые и/или легитимированные государством превентивные практики поведения, распространенные среди членов семьи, этнических, географических сообществ, профессионально-трудовых коллективов, среди адептов религиозных объединений, предусматривающие понуждение, воспитание, обучение, психологическое воздействие с целью устранения или нейтрализации причин и условий преступного поведения, а также формирования у личности антикриминальной ментальности.

18. Криминорезистентные возможности неформальных (неюридических) норм можно использовать в следующих направлениях деятельности по предупреждению преступного поведения: 1) поддержка социальных инициатив по участию в охране общественного порядка на определенных территориях; 2) развитие механизмов примирения виновного и жертвы; 3) социальная адаптация и ресоциализация лиц, ранее совершавших преступления; помощь лицам, пострадавшим от криминальных явлений; 4) обоснование и определение размера компенсации за причиненный вред в результате преступного поведения, как умышленного, так и неосторожного; 5) создание института поручительства, предполагающего предоставление государству гарантий физических лиц, профессиональных и общественных сообществ за виновного с целью прекращения официального привлечения к уголовной ответственности либо изменения вида уголовного наказания.

19. Использование неюридических нормативных институтов предупреждения преступного поведения должно базироваться на следующих принципах: 1) добровольность: профилактируемый должен иметь право выбора между религиозным (традиционным) и государственным (региональным, муниципальным) учреждением; 2) равноправие: религиозные и общественные объединения (группы) должны получить право на выполнение функций, свойственных учреждениям социальной защиты, образования, занятости, участвовать в контрактной системе в качестве исполнителя работ (услуг) для обеспечения профилактических государственных и/или муниципальных нужд; 3) субсидирование: религиозные и общественные объединения (группы) должны получать государственное финансирование своей профилактической деятельности и иметь возможность перераспределять эти средства среди своих структурных подразделений; 4) правосубъектность: религиозные организации, инициативные верующие, представители общественных объединений (групп) должны получить право на осуществление информационно-просветительской (миссионерской) деятельности в общественных местах с лицами, злоупотребляющими алкоголем, наркотиками, с гражданами, склонными к домашнему насилию, несовершеннолетними, осужденными и их близкими родственниками, жертвами преступлений и др.

20. *Для институционально-нормативного регулирования предупреждения преступного поведения на ранней стадии необходимо зафиксировать в российском законодательстве положения:*

– упрощающие возможности религиозных организаций создавать медицинские и специальные лечебно-коррекционные учреждения, лечебно-реабилитационные центры, что предполагает внесение соответствующих дополнений в Федеральный закон № 323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», постановление Правительства РФ № 852 от 01.06.2021 «О лицензировании медицинской деятельности» для конкретизации прав, обязанностей, полномочий представителей религиозных организаций при оказании медицинских услуг, направленных на диагностику, лечение, профилактику, реабилитацию лиц, больных алкоголизмом и наркоманией;

– разрешающие представителям казачьих сообществ, внештатным сотрудникам полиции, общественным объединениям правоохранительной направленности выполнять следующие правоохранительные функции, относящиеся к ведению органов внутренних дел и федеральной службы исполнения наказания: проверка соблюдения ограничений лицами, находящимися под административным и профи-

лактическим надзором и отбывающими наказания, не связанные с изоляцией от общества; проверка по месту жительства лиц, состоящих на профилактическом учете, что соответственно предполагает внесение дополнений в ст. 5 Федерального закона № 154-ФЗ от 05.12.2005 «О государственной службе российского казачества», ст. 8–10 Федерального закона № 44-ФЗ от 02.04.2014 «Об участии граждан в охране общественного порядка», ст. 8 Федерального закона № 64-ФЗ от 06.04.2011 «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», ч. 4–5, 7 ст. 16, ч. 4 ст. 23 Уголовно-исполнительного кодекса РФ;

– предоставляющие право образовательным учреждениям, общественным и религиозным объединениям, внештатным сотрудникам полиции контролировать поведение несовершеннолетних, законодательно разрешив им вести правовое воспитание, виктимологическую профилактику, участвовать в конкретных мероприятиях, связанных с организацией досуга лица в возрасте 10–18 лет, чье поведение антиобщественно, что предполагает дополнение ч. 1 ст. 4, ч. 4 ст. 24 Федерального закона № 120-ФЗ от 24.06.1999 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»;

– вносящие в федеральное и региональное законодательство, ориентированное на предупреждение правонарушений несовершеннолетних, дополнительные меры превенции: а) контролируемая свобода; б) запретительный судебный приказ, включая запрет приближаться на определенное расстояние к жертве и/или общаться с ней; в) проживание совместно с родственником или образовательной группой, которая поручилась за делинквента; г) возложение на несовершеннолетнего судом или комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав перечня образовательных/профессиональных обязанностей, направленных на его воспитание, с учетом его предпочтений (интересов); д) создание института оказания добровольной и принудительной социально-психологической помощи родителям в воспитании подростка; е) обеспечение эффективного надзора и контроля за поведением подростка посредством использования институтов патерналистского воздействия – института добровольных воспитателей, общественно-публичных комитетов помощи инспекциям по делам несовершеннолетних и др.

Для институционально-нормативного регулирования непосредственной профилактики преступного поведения необходимо включить в российское законодательство следующие положения:

– указывающие, что уголовное и административное наказание, режим и условия отбывания уголовного наказания есть формы профилактического воздействия, допустимые в России, что предполагает дополнение ст. 17 «Формы профилактического воздействия» Федерального закона № 182-ФЗ от 23.06.2016 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»;

– позволяющие носить, применять или использовать огнестрельное оружие ограниченного поражения, газовое оружие, холодное оружие, электрошоковые устройства внештатным сотрудникам полиции в процессе выполнения ими добровольных функций по охране общественного порядка и предупреждению преступлений, внося изменения в Федеральный закон № 150-ФЗ от 13.12.1996 «Об оружии» и Федеральный закон № 44-ФЗ от 02.04.2014 «Об участии граждан в охране общественного порядка»;

– закрепляющие процессуальное право гражданина задерживать и принудительно доставлять в правоохранительные органы лиц, застигнутых при со-

вершении преступления (административного деликта) или попытке скрыться после его совершения – право гражданского ареста, о чем необходимо внести соответствующие дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации; это позволит разрешить проблему отсутствия единства подходов к задержанию подозреваемого как мере процессуального принуждения и институту причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ);

– определяющие в качестве общественно безопасных деяния по психологическому, имущественному, моральному понуждению несовершеннолетних их родителями, педагогами, воспитателями в процессе воспитания право послушности, а также деяния, связанные с психологическим понуждением членами трудового коллектива работника, представителями этнической общности – своего представителя в целях профилактики совершения им правонарушений (потестарное понуждение), что требует включения в Уголовный кодекс РФ в гл. 8 «Обстоятельства, исключают преступность деяния» нормы «Обстоятельства допустимости деяния, исключают его преступность»;

– разрешающие сбор данных об образе жизни, психических патологиях, наркологических заболеваниях, противоправном и криминальном опыте лиц, совершающих преступления и правонарушения, ведущих антиобщественный образ жизни, осуществление обмена между ведомствами и органами (ФСИН, МВД) криминологической информацией, результаты анализа которой должны служить основанием для определения опасности личности и возможности исправления, что, в свою очередь, окажет влияние на назначение наказания, режим и условия содержания таких граждан.

Для институционализации предупреждения посткриминального поведения (рецидива) необходимо:

– создать селективную модель назначения и исполнения уголовного наказания, в рамках которой к трудноисправимым, профессиональным преступникам предполагается применение всей строгости уголовного закона, жесткости режима и условий содержания, а для желающих встать на путь исправления – контролируемой обществом и государством системы мер коррекции и ресоциализации, что предполагает применительно к учету личности виновного, предусмотренному в ч. 3 ст. 60 Уголовного кодекса РФ, изучение криминологической характеристики лица, совершившего преступление, раскрывающего его социальные признаки, семейные и общественные связи, роли, экономическое положение, негативные социально-психологические аспекты, влияющие на совершение преступления, склонность к исправлению и др.;

– предоставить право инициативным гражданам, общественным объединениям, трудовым коллективам и их представителям участвовать в уголовном судопроизводстве, обращаться с ходатайствами о передаче обвиняемого под поручительство общественного объединения или трудового коллектива, об условно-досрочном освобождении, об изменении условий содержания, о снятии судимости, а гражданам – право участвовать в судебных слушаниях по уголовным делам в качестве общественных обвинителей, что предполагает внесение соответствующих дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ;

– усовершенствовать модель уголовно-исполнительного исправления посредством привлечения для контроля поведения осужденных различных обще-

ственных, религиозных, коммерческих организаций, которые должны решать вопросы, связанные с культурной, воспитательной, учебной, производственной, социально-реабилитационной деятельностью, что предполагает изменение ч. 1 и 3 ст. 6 Федерального закона № 10-ФЗ от 06.02.2023 «О пробации в Российской Федерации», дополнение Федерального закона № 182-ФЗ от 23.06.2016 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», Уголовно-исполнительного кодекса РФ и нормативных правовых актов Федеральной службы исполнения наказания;

– включить в ст. 4 Федерального закона № 64-ФЗ от 06.04.2011 «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» дополнительные ограничительные меры: временное изъятие документов на право осуществлять определенные действия, а также заграничного паспорта; GPS-мониторинг; комендантский час без наблюдения; запрет на употребление отдельных лекарственных препаратов и иных веществ; запрет на использование электронных устройств, таких как ноутбук, смартфон; обязанность пройти медицинское лечение, госпитализироваться и провести детоксикацию организма; внесение денежной суммы в качестве гарантии (подтверждения) намерений; предоставление личных гарантий или поручительства третьих лиц о том, что обязательства поднадзорного будут выполнены; регулярная выплата алиментов; запрет контактировать с определенными судом персонами, коммерческими и некоммерческими организациями;

– дополнить Федеральный закон № 64-ФЗ от 06.04.2011 «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» нормативным положением о том, что ранее судимые лица в случае их обнаружения в кварталах, районах (местностях), где высока возможность реализовать преступное намерение в поведенческой форме в конкретной ситуации, могут быть превентивно задержаны и арестованы на срок до 10 суток;

– предоставить представителям общественных объединений правоохранительной направленности и религиозным организациям в рамках Федерального закона № 212-ФЗ от 21.07.2014 «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (уточнив содержание ст. 4 и 5) право инспектирования и контроля соблюдения режима и условий содержания лиц, отбывающих наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, с целью социальной оценки возможности их исправления, соответствия режима и условий их содержания требованиям уголовно-исполнительного законодательства, а также деятельности администраций исправительных учреждений с целью исключения фактов заинтересованности и предвзятости при принятии решений об ослаблении режима и условий содержания, условно-досрочном освобождении, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания в отношении указанной категории преступников;

– наделить представителей основных религиозных конфессий правом быть официальными, постоянными представителями религиозного большинства, на договорной основе присутствующими в исправительном учреждении (это предполагает закрепление штатной единицы – священнослужителя в штатном расписании учреждения), исполнять служение в учреждениях исправительной системы РФ, распространять духовную литературу, вести переписку с осужденными без ограничений, собирать и передавать одежду, лекарственные препараты, иные необходимые вещи, проводить духовно-воспитательную работу с правонарушителями, семьями, находящимися в социально опасном поло-

жении, семейными насильниками, родственниками осужденных, осуществлять миссионерскую деятельность в среде алкоголиков, наркоманов, лиц, ведущих антиобщественный образ жизни, что предполагает дополнение ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса РФ и Федерального закона № 120-ФЗ от 24.06.1999 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», ст. 4 «Федерального закона № 125-ФЗ от 26.09.1997 «О свободе совести и о религиозных объединениях»;

– дополнить гл. 22 разд. VI Уголовно-исполнительного кодекса РФ ст. 181.1 «Оказание социальной помощи освобождаемым осужденным религиозными и общественными организациями», указав, что религиозные и общественные организации могут оказывать следующую помощь освобождаемым осужденным: предоставление временного жилья; получение необходимых справок и документов; оказание материальной помощи в первый месяц после освобождения; оказание юридической и психологической помощи; содействие в погашении долгов.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в том, что результаты могут служить основой для создания институциональной нормативной системы антикриминального характера, на базе юридических и иных социальных норм (институтов), призванных регулировать отношения в сфере предупреждения преступного поведения; формирования общности интересов различных субъектов, участвующих в профилактике правонарушений; генерирования методик доверия социальных групп к правоохранительным органам и системе уголовного судопроизводства; выработки толерантности у населения к различным механизмам превенции криминальных явлений. Предложенные в работе варианты использования в правоохранительной деятельности институциональных особенностей антикриминальных норм юридического и неюридического характера могут быть использованы в различных практиках предупреждения преступного поведения, в создании отечественной системы криминологического законодательства, федерального и региональных кодексов о предупреждении преступлений и правонарушений.

Научная обоснованность и достоверность результатов исследования, положений, выдвигаемых на защиту, выводов и практических рекомендаций определяются комплексным характером апробированных исследовательских методик и эмпирической базой, соответствующей цели, задачам изучаемой проблематике. Необходимая полнота, объективность и корректность исследования достигались путем анализа международных актов, современных российских и зарубежных нормативных правовых актов в области профилактики преступлений, их исторических аналогов, изучения этнографических памятников народов России, трудов по социологии, психологии, религиоведению, богословию. Компоненты превентивной стратегии и предложения по созданию отдельных криминологических практик основаны на практическом опыте соискателя, полученном в период службы в органах внутренних дел и при выполнении воспитательно-педагогических функций в Кубанском государственном университете.

Эмпирическую базу настоящей работы составили официальные статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД РФ, Генеральной прокуратуры РФ, Федеральной службы государственной статистики РФ, Федеральной службы исполнения наказаний РФ, Судебного Департамента при Верховном Суде РФ; информация с сайта Государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» и открытого сайта «Судебные и нормативные акты РФ».

Использование результатов самостоятельных эмпирических исследований, которые сопоставлялись со сведениями из уже существующих научных разработок, позволяет считать сделанные выводы обоснованными, а представленные на их основе обобщения и материалы – репрезентативными.

Апробация и практическая реализация результатов исследования. Идеи, гипотезы и выводы, полученные в ходе диссертационного исследования, использовались соискателем при чтении лекций и проведении практических занятий в ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» при преподавании дисциплин «Криминология», «Предупреждение преступлений», «Экономическая криминология», «Законодательное регулирование предупреждения преступлений», при разработке учебно-методических пособий и учебных программ по указанным дисциплинам, осуществлении научного руководства написанием курсовых и дипломных работ. Отдельные положения апробировались на заседании диссертационного совета Краснодарского университета МВД России, где автор присутствовал в качестве официального оппонента диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Основные исследовательские результаты, законотворческие и теоретические предложения, изложенные соискателем в диссертационной работе, опубликованы в 88 статьях, в том числе 29 из них – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук, а также в четырех статьях (в соавторстве), индексированных в Web of Science.

Кроме того, основные идеи, теоретические положения, эмпирический материал публиковался в двух монографиях: «Мусульманское уголовное право и особенности уголовного законодательства мусульманских государств» (рецензенты: В.П. Коняхин, С.Ф. Милуков. Краснодар: КубГУ, 2013. 91 с.); «Российская институциональная система криминологических норм» (рецензенты: С.Ф. Милуков, А.В. Грошев. Краснодар: КубГУ. 2019. 173 с.); в 4 учебных пособиях (соавторство не разделено): С.Г. Дзиконская, Е.А. Елец, А.В. Петровский «Предупреждение преступлений» (рецензенты В.П. Коняхин, В.Н. Орлов. Краснодар: КубГУ, 2017. 167 с.); Г.Э. Адыгезалова, А.С. Даниелян, Е.В. Епифанова, Л.В. Каранушенко, Д.Е. Михель, А.В. Петровский, Т.В. Фарои, В.Д. Ярыш «Правовые семьи современности: исторические корни, основные черты и некоторые правовые институты» (рецензенты И.Ю. Козлихин, Е. Бутенко). Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 293 с.); Н.В. Артеменко, А.Л. Гуринская, М.С. Дикаева, Л.А. Закаляпина, И.В. Морозова, А.В. Петровский, Т.В. Пинкевич, А.П. Скиба, С.Д. Цэнгэл, Л.М. Щербакова «Криминология» (рецензенты Я.И. Гилинский, В.Н. Орлов. М.: Компания КноРус, 2020. 374 с.); в учебниках: «Российское криминологическое право. Общая и Особенная части» (гл. 3, 5) А.В. Звонов, А.Е. Михайлов, О.И. Нестерова, В.Н. Орлов, А.В. Петровский; (под ред. В.Н. Орлова). СПб.: Университет ФСИН России. М.: Российская криминологическая библиотека, 2021. 280 с.; «Криминология» (гл. 4) В.А. Артеменко В.А., Я.И. Гилинский, А.Л. Гуринская, М.С. Дикаева, Л.А. Закаляпина, И.В. Морозова, В.Н. Орлов, А.В. Петровский, Т.В. Пинкевич, А.П. Скиба, С.Д. Цэнгэл, Л.М. Щербакова (под ред. Я.И. Гилинского, В.Н. Орлова). М.: Юстиция, 2021. 374 с.

Результаты исследования излагались на 13 международных, 9 всероссийских научно-практических конференциях и иных научных мероприятиях в пе-

риод с 2011 по 2023 г. в Российской Федерации и за рубежом, среди которых: International Conference «Criminal Justice and Security in Central and Eastern Europe From Common Sense to Evidence-based Policy-making» (Slovenia: University of Maribor 25–27.09.2018); IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium» (Kaliningrad, 11.12.2020); III Международно-практическая конференция (Донецк, 25–26.05.2023); XII и XIII российские конгрессы уголовного права (Москва, МГУ, 28–29.05.2020 и 26–27.05.2022); XIII и XVIII Международные научно-практические конференции (Москва, МГЮУ, 28–29.01.2016 и 23–24.01.2020); Международная научно-практическая конференция «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики-2020» (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, 23–24.10.2020); международные научно-практические конференции в г. Новороссийске (17.04.2015 и 13–14.04.2017); Международная научно-практическая конференция: «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия)» (Краснодар, КубГУ, 07.10.2016).

Также результаты исследования апробированы на всероссийских научно-практических конференциях Северо-Кавказского филиала «Российский государственный университет правосудия» (Краснодар, 22.05.2015, 23.05.2018, 23.12.2019); Всероссийском научно-практическом симпозиуме с международным участием «Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности» (Краснодар, КубГУ 23.05.2019); Круглом столе «Реакция государства на преступное поведение, уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственности в системе мер обеспечения национальной безопасности» (Тольяттинский государственный университет, 24.11.2020); Всероссийской научно-практической конференции «Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра» (Санкт-Петербургский университет МВД России, 18–19.05.2021); Межвузовской научно-практической конференции «Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних и молодежи» (РГПУ им. А.И. Герцена, 28.05.2021); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 и 25-летию УК РФ 1996)» (Краснодар, КубГУ, 28–29.06. 2021).

Объем и структура исследования определяются ее целью, задачами. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих 20 параграфов, заключения, списка литературы, приложения (анкеты для сбора эмпирического материала).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, характеризуется степень научной разработанности, определяются цель и задачи исследования, его объект и предмет, методологическая, нормативная, теоретическая и эмпирическая основы, научная новизна, формулируются основные научные положения, выносимые на защиту, обосновывается теоретическая и практическая значимость результатов исследования, приводятся сведения о степени их достоверности и апробации, структуре и объеме диссертации.

Первая глава **«Юридические и иные социальные нормативные институты предупреждения преступного поведения: методологические вопросы познания, базисные понятия»** включает четыре параграфа. В первом из них *«Методология познания и методика исследования юридических (формальных) и иных социальных (неформальных) нормативных институтов предупреждения преступного поведения»* на основе концептуального подхода к понятию права как системе юридических и иных социальных норм, имеющих символическое и реалистическое содержание, зависящих от социальных детерминантов, формирующих практики поведения и являющихся регуляторами общественной жизни, обоснована методология познания и методы исследования криминологических юридических (формальных) и иных социальных (неформальных) норм, диалектическая зависимость между ними и нормативными институтами, регулирующими предупреждение преступлений, определены дефиниции, признаки, свойства криминологических норм, установлены особенности их появления и трансформации в объективной действительности, раскрыто содержание понятия института и институций, описаны пределы действия формальных и неформальных норм, объяснена их категоризация, закономерности, указано, почему результативность является критерием их дифференциации на нормы-действия, нормы-дилеммы, нормы-модели.

Во втором параграфе *«Преступное поведение и его нормативные регуляторы: особенности, связи, криминорезистентные свойства норм»* подтверждается аксиоматический для криминологии тезис о том, что причиной преступного поведения является взаимодействие обстоятельств внешних и внутренних, что преступное поведение, подчиняется закону взаимосвязи, когда сознание (правосознание, мировоззрение) нельзя рассматривать в отрыве от окружающей среды, национального характера, общественного настроения, и законы, религиозные правила, традиции и обычаи находятся во взаимосвязи и взаимодополняемости, регулируя деятельность человека. Поясняется, что нормативное регулирование упорядочивает поведение и правосознание людей посредством законов, моделей, образцов, ценностных установок, эталонов, используемых в практиках предупреждения преступного поведения, которым должны подчиняться индивиды.

Раскрывается существенное значение ключевых дефиниций «криминорезистентная норма предупреждения преступного поведения», «криминорезистентный регулятор предупреждения преступного поведения», а также их симбиогенез – способность элементарного либо простого правила сохраняться в сложной структуре правоотношений; характеризуется значение для общественной жизни криминорезистентных норм; их связь и влияние на поведение человека. Доказывается, что основанием отнесения норм к криминорезистентным будет нали-

чие в их содержании регуляторов, направленных на устранение или нейтрализацию криминогенных детерминантов, воздействующих на общественное, микрогрупповое, индивидуальное правосознание. Степень антикриминальной эффективности указанных регуляторов зависит от их применимости в правоохранительных практиках, способности формировать ментальное состояние сопричастности с существующими в государстве уголовно-правовыми и административно-деликтными запретами.

В третьем параграфе *«Институциональная сущность криминологических норм»* автором утверждается, что институциональный нормативный подход в криминологии представляет собой исследование криминальных и антикриминальных социально-антропологических, юридических норм, процессов, институтов и генерируемых ими криминорезистентных практик поведения. Отмечается, что их структура и эволюция зависят от доминирования в превентивных практиках общественных институтов, в которых моделирующую роль играют нравственные ценности, мораль, традиции (обычай) социума, отражающиеся в системе законодательства. Таким образом, «институты» и «институциональность» не тождественные понятия. Институциональность криминологических норм определяется способностью системы норм антикриминального характера, базирующихся на фундаментальной социально-правовой идее, воспроизводить в объективной реальности действительно нейтрализующие или устраняющие криминогенные факторы инструменты, институты, реакции, функции. Криминологическая институционализация есть способность превращать эффективные социальные практики в законодательно регулируемую, обеспеченную инфраструктурой, средствами, ресурсами деятельность субъектов профилактики.

Обосновывается наличие в Российской Федерации трех типов криминологических норм: государственно-формальных, социально-неформальных (ультимативная реальность) и индивидуальных (самонаказание). Как формальные, так и неформальные нормативные институты (регуляторы) обладают механизмами принуждения, но у государственных, региональных, муниципальных это властные инструменты, а у семьи, общины, этнической группы, коллектива – механизмы потестарного понуждения. Таким образом, формальные и неформальные превентивные нормы должны находиться в постоянном взаимодействии, а адекватная и разумная власть должна кооперировать элементы этой системы, доспояняя законодательство правилами из социальной жизни.

Четвертый параграф *«Нормативные институты предупреждения преступного поведения: эффективность и соответствие принципиальным ценностям»* посвящен изучению проблемных вопросов гармонизации актуальных онтологических идеалов, социально-антропологических ценностей, базовых гуманитарных принципов с современной криминологической и уголовно-правовой системой охраны интересов, прав и свобод российских граждан.

Отмечается, что эффективность криминологических юридических и иных социальных норм видится в их соответствии общеправовым и отраслевым нормативно-правовым принципам. В сфере криминологической деятельности законодатель установил избыточное количество принципов, не отразил в их содержании социальные ожидания, потребности, закономерности общественного развития; сформулировал отдельные нормы-принципы в виде моделей или дилемм как формально существующих (но не реализуемых на практике) либо присутствующих в официальных текстах, но вместо намеченных, порождаю-

щих альтернативные установки. Принципы обеспечения системности и единства подходов, непрерывности, последовательности, своевременности, объективности, достаточности, научной обоснованности, приоритета мер предупреждения, компетентности в целом являются декларативными, не отражены в виде нормативных институтов законодательства, ведомственных правовых актов и, соответственно, влияют на криминологическую институциональность и регулировать указанную сферу общественных отношений не могут.

Утверждается, что на эффективность нормативных криминологических институтов влияют следующие проблемные тенденции: 1) изменения Уголовного кодекса РФ, делающие принципы справедливости, неотвратимости ответственности и соразмерности наказания слабо реализуемыми; 2) несоответствие институтов реальным общественным интересам и социально-этическим, культурным, религиозным ожиданиям общества в сфере профилактической и уголовно-правовой защиты отдельных прав, свобод, интересов, а также реализации уголовной репрессии; 3) ориентация криминологических практик (деятельности) на предупреждение террористических, экстремистских (политических) деяний, а не общеуголовных и экономических преступлений; 4) отсутствие отраслевого профилактического законодательства; 5) нежелание государства использовать антикриминальный потенциал населения, возможности религиозных объединений и общественных организаций; 6) исключительная привилегия государства разрешать уголовно-правовые конфликты, обеспечивать охрану общественного порядка и нравственности, осуществлять профилактику преступлений.

Глава вторая «**Юридические и иные социальные нормы предупреждения преступного поведения: эволюция, компарирование и эмпирическая оценка**» включает четыре параграфа. В первом параграфе «*Эволюция развития и взаимодействия традиционных, религиозных норм с антикриминальным законодательством в России*» рассмотрены тенденции, динамика, примеры использования в имперский и советский периоды профилактического потенциала традиций (обычаев), религиозных правил поведения, а также особенности взаимодействия юридических и иных социальных норм превенции преступного поведения.

Отмечается, что царское правительство позволяло казачеству, народам Дальнего Востока, Крайнего Севера, Северного Кавказа, Сибири смешивать обычно-правовые и публично-правовые отношения, распространять действие традиционных механизмов на сферу обеспечения локальной общественной безопасности, использовать традиции или обычаи для устранения и нейтрализации преступлений (проступков), угрожающих сообществу. Правовые акты царской администрации применялись при условии их непротиворечия традиционным нормам, власть обязана была разделять судопроизводство на осуществляемое по юридическим и обычным нормам, полицейское делопроизводство упрощалось, чтобы оно было понятным местному населению.

Высокая результативность участия общественности в деятельности по предупреждению преступлений в XIX – конце XX в. объясняется реальной заинтересованностью населения, но только в те периоды, когда деятельность инициативных граждан имела регулируемую автономию от органов управления, а профилактическая деятельность не была излишне формализована. Утверждается, что власть царская и советская выбирала подход сепарации, определяя полезные и вредные для профилактики традиционные и религиозные нормы посредством антропологических и правовых исследований.

Отмечаются положительные примеры использования элементов традиционной системы народов Северного Кавказа в правоприменительной практике как императорской России, так и советского государства. Обосновывается концепция взаимодействия традиционных, религиозных норм с антикриминальным законодательством в имперский и советский периоды в России, базирующаяся на: 1) сформированности «российского традиционного образа справедливости», ассоциированного с правдой, добром, честностью, воздаянием по заслугам, взаимопомощью, осуждением несправедливого получения богатства, помощью попавшим в беду; 2) адаптированности религиозных нормативных институтов к государственному законодательству для сакрализации принуждения и необходимости жесткого реагирования на нарушения уголовного закона; 3) сохранении патриархальных институтов родовой власти, не противоречащих основным нравственным принципам государства для регулирования внутрисемейного воспитания, примирения конфликтующих сторон, обеспечения общественного порядка в районах проживания местного населения; 4) делегировании правоохранительных полномочий общественным формированиям для реализации социальной инициативы по участию граждан в управлении государством; 5) использовании национального традиционного института социального контроля, осуждения и примирения, когда бытовые, семейные, соседские конфликты либо аморальные поступки рассматривались товарищескими судами или воинскими судами чести; 6) конструировании собственных неформальных правил поведения, содержащих антикриминальные установки («Моральный кодекс строителя коммунизма»).

Во втором параграфе *«Сравнительно-компаративистский обзор коммуникации юридических и иных социальных норм, противодействующих криминальным проявлениям в современном мире»* предлагается методика дифференциации криминологических нормативных систем зарубежных государств в зависимости от глубины включенности в законодательство, регулирующего отношения в сфере предупреждения преступлений, традиционных, религиозных, этнических норм, анализируется опыт взаимодействия полиции, судов с различными гражданскими институтами общества, традиционными и религиозными нормативными институтами для нейтрализации и устранения криминогенных детерминантов.

Особое внимание уделяется зарубежным формально-неформальным практикам предупреждения преступного поведения, которые представляют собой: 1) противопоставление запрещенного и разрешенного, когда порицаемое поведение не влечет никаких государственно-правовых последствий, но является греховным с точки зрения социальной морали и религии и предполагает применение потестарных форм принуждения и исправления; 2) раннюю нейтрализацию, предусматривающую предупреждение антиобщественного поведения на начальных стадиях – на этапе возникновения криминальных потребностей и мотивации; понуждение индивида отказаться от задуманного и осмысленно вернуться к правопослушному поведению; 3) институт традиционных лидеров, механизм которого предполагает контролируруемую полицией деятельность этнических и местных авторитетных мужчин и женщин по воспитанию и исправлению лиц, ведущих антиобщественный образ жизни; 4) доктрину гражданского участия, определяющую, что преступность, общественный порядок, безопасность людей, сохранность имущества – это не только вопросы полиции, но и проблемы, затрагивающие граждан, и они могут быть устранены или уменьшены до приемлемого уровня только посредством привлечения потенциала населения, наделенного правоохра-

нительными полномочиями; 5) модель, порождающую беспрецедентный уровень доверия со стороны граждан к правоохранительной системе своих государств.

Третий параграф *«Международные нормы в сфере криминологической деятельности»* посвящается общетеоретическим проблемам их присутствия в профилактическом законодательстве российского государства, вопросам имплементации во внутригосударственную сферу регулирования общественных отношений по предупреждению преступного поведения.

Делается вывод, что положения ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 67¹, ст. 79 Конституции РФ, Федерального закона № 101-ФЗ от 15.07.1995 «О международных договорах Российской Федерации», содержание Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31.10.1995 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10.10.2003 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» определяют российскую систему взаимоотношения норм международного и внутригосударственного права как дуалистическую, т.е. Россия признает составной частью национального законодательства только общепризнанные международные принципы, международные нормы, вытекающие из договоров, и готова подтвердить их главенство над национальными. Утверждается, что подписание Российской Федерацией различных международных договоров без оговорок и условий в 1990–2006 гг. привело к имплементированию в уголовно-правовое, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное законодательство отдельных морально-политических норм (soft law), некоторые из них базируются на крайностях (исключительности прав и обязанностей подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных; регулировании защиты прав и интересов отдельной категории потерпевших (например, женщин, мигрантов)) без учета значимости, сущностного содержания, применимости в регионах страны.

Обосновывается отсутствие острой необходимости тотального включения норм международного права в институциональную нормативную сферу предупреждения преступного поведения по причине расплывчатости формулировок, рекомендательного характера, двойственности понимания, возможности нивелирования проблем инкорпорации за счет национального законодательства, которое должно растолковать содержание терминов, используемых в конвенциях и резолюциях ООН, разъяснить процедуру применения.

Отмечается актуальность и полезность отдельных положений международного законодательства в сфере предупреждения преступного поведения в части: 1) разделения полицейских процедур на предупреждение правонарушений и раскрытие преступлений; 2) создания отдельных подразделений по профилактике правонарушений с конкретизацией обязанностей, прав для всех участвующих в указанном процессе лиц; 3) законодательного закрепления процедуры, связанной с превенцией преступного поведения; 4) легитимации мер по оказанию помощи, поддержке, защите жертв любых преступлений.

В четвертом параграфе *«Формальные и неформальные нормы предупреждения преступного поведения в системе социальных установок жителей российских регионов: криминологический анализ»* представлены результаты, позволяющие оценить аспекты соблюдения гражданами законодательства, традиционных и религиозных правил, подтверждающие гипотезу о

том, что симбиоз формальных и неформальных норм способен нейтрализовать криминогенные детерминанты.

Основой эмпирического анализа являются результаты анкетных опросов о личностных особенностях, мировоззрении, нравственных качествах, социальных связях 392 респондентов (45,2% – мужчины; 54,8% – женщины) и данные метаанализа существующих исследований ценностных и моральных ориентаций населения (общий объем опрошенных – 5053 чел.). Репрезентативность подтверждается факторным анализом полученной информации посредством пакета Statistical Package for the Social Sciences – (Статистический пакет для общественных наук) и проведенным метаанализом публикаций, по тематике связанных с воздействием норм морали, религиозных, традиционных правил на антикриминальное поведение для выявления паттернов – устойчивости, повторяемости, фиксируемости статистических показателей.

Формулируются выводы, основанные на криминологическом исследовании, подтверждающие: 1) наличие у населения антикриминальной солидарности (доверие соседям или близким знакомым $\approx 0,768$, корреляция $\approx 0,634$); 2) взаимосвязи между уровнем правосознания и использованием в общественной жизни антикриминальных юридических и иных социальных норм в различных поведенческих практиках (вероятность индивидуального использования $\approx 0,728$, совместно с полицией $\approx 0,596$, корреляция $\approx 0,753$); 3) высокий уровень готовности следовать требованиям неформальных правил (вероятность следования нормам $\approx 0,661$, а корреляция $\approx 0,6525$) и использовать потестарное понуждения для пресечения отдельных социально опасных и вредных явлений (вероятность $\approx 0,693$); 4) нетерпимую позицию населения по отношению к общеуголовным преступлениям (вероятность неприятия общеуголовных преступлений $\approx 0,799$, корреляция $\approx 0,722$); 5) факт, что интересы семьи и социальной микрогруппы к которой принадлежит индивид, являются фундаментом криминорезистентного поведения (суммарное значение баллов для семьи $\approx 4,72$, традиции $\approx 4,55$; благополучия $\approx 4,51$; порядка $\approx 4,46$); 6) мнение, что антикриминальные установки основаны на семейных, религиозных нормах, микрогрупповых ценностях и правилах поведения.

Третья глава «**Юридические (формальные) нормы и институты предупреждения преступного поведения**» состоит из четырех параграфов. В первом параграфе «*Профилактическая сущность и функциональность юридических норм и институтов противодействия преступному поведению*» анализируются ранее предложенные учеными дефиниции, признаки, сущностные особенности, функции юридических институтов для формулировки понятия нормативного института предупреждения криминального поведения, а также юридических свойств антикриминально-превентивного института законодательства.

Раскрываются особенности юридического (формального) нормативного института предупреждения преступного поведения: 1) наличие криминологических понятий и терминов; 2) доминирование превентивной идеи (целеполагания); 3) антикриминальные практики; 4) нормативная системность, предназначенная для регуляции превентивной деятельности. Определяется содержание профилактической функции норм и институтов российского законодательства, регулирующего сферу противодействия преступному поведению, как закрепленной в нормах обязанности федеральных, региональных, муниципальных структур прямо или опосредованно воздействовать на криминогенные детерминанты, существующие в социальной реальности, на мысли, сознание, поведение индивида (населения) с

целью формирования антикриминальных установок и удержания в рамках право- послушного поведения. Отмечается специфика профилактических (криминологических) функций норм и институтов (запрещающая; обязывающая; процедурная). Предлагается типологизация законодательных нормативных институтов противо- действия преступному поведению в зависимости от их роли в антикриминальной превенции: 1) уголовно-правовой; 2) уголовно-исполнительный; 3) уголовно- процессуальный; 4) административно-деликтный; 5) общепрофилактический; 6) надзорно-наблюдательный; 7) контрольно-финансовый; 8) контрольно- проверочный; 9) превентивно-ограничительный; 10) превентивно- информационный; 11) воспитательно-профилактический; 12) специально- технический.

Второй параграф «Криминологическая составляющая административно- деликтных, уголовно-правовых, уголовно-исполнительных, уголовно- процессуальных норм» раскрывает содержание концепции о том, что превентив- ное воздействие на объект профилактики либо личность нарушителя админи- стративно-деликтными, уголовно-правовыми, уголовно-исполнительными, уго- ловно-процессуальными нормами должно соответствовать общественной опас- ности деяния, вероятности антиобщественных и криминальных индивидуальных проявлений, кроме того согласовываться с нормами морали, критериями спра- ведливости, характерными для правосознания и национальной ментальности населения. Криминологическая составляющая административно-деликтного, уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального законода- тельства заключается в: 1) общепревентивном воздействии на психологию не- устойчивых граждан с целью удержания их от совершения преступлений, а в си- лу восстановления института административной преюдиции еще и административных правонарушений; 2) индивидуально-превентивной реакции, основанной на степени и характере общественной опасности деяния, особенностях соверше- ния преступления, индивидуальных характеристиках личности, отображенной в индивидуализации административного и уголовного наказания, мерах уголовно- правового характера, формах уголовно-процессуального принуждения, режиме и условиях содержания, практиках педагогически-воспитательного воздействия, средствах исправления.

Отмечается, что в идеале реализация обще- и индивидуально- превентивной функции институтом уголовного наказания как главенствующим механизмом должна достигать целей: 1) возмездия и устрашения; 2) предупре- ждения. Профилактическая составляющая административно-деликтного и уго- ловного кодексов должна подтверждаться наличием взаимосвязи и взаимодей- ствования между этими законодательствами в части упреждения правонару- шений (преступлений). Уголовную ответственность следует применять, когда использование мер социально-воспитательного, дисциплинарного, административно- деликтного воздействия недостаточно либо бесполезно. Профилактиче- ский потенциал административно-деликтного законодательства увеличится, если в КоАП РФ будут содержаться нормы, устанавливающие и разъясняющие функ- ции предупреждения правонарушений: устранение причин и условий, воспита- ние граждан, разработка профилактических мер. Учитывая, что уголовное нака- зание есть действенный инструмент предупреждения преступлений, обязатель- ным предметом обсуждения для федеральных и региональных координационных органов по профилактике правонарушений должна быть наказательная и испра-

вительная политика субъекта федерации и вопросы её эффективности. Проблема криминологической составляющей уголовно-процессуального законодательства заключается в том, что превенция отражена в качестве общих условий институтов предварительного расследования и мер пресечения, избираемых в отношении обвиняемого, но содержательно, в нормах, предупреждение правонарушений и преступлений не представлено, у участников уголовного судопроизводства обязанность по устранению и нейтрализации криминогенных детерминантов отсутствует.

Третий параграф *«Криминологическое законодательство как нормативно-правовое межотраслевое образование: понятие, предмет, задачи, перспективы»* посвящен исследованию криминологического законодательства как феномена современной юридической действительности, его месту в структуре права о противодействии преступности, его институтам, предмету, объекту, методологии, прикладной роли и значению для практики в настоящее время.

В параграфе сформулировано определение криминологического законодательства, указаны отличия от иных отраслей на основе функциональности – ориентированности на предупреждение детерминантов преступного поведения на ранней, непосредственной и посткриминальных стадиях, а также на ограничение прав и интересов индивидов, обладающих определенными характеристиками, свидетельствующими об их высокой общественной опасности или позволяющими предположить наличие такой опасности в будущем. Признается объективный характер существования криминологического законодательства, подтверждено формирование на современном этапе нормативно-правовой общности профилактической направленности, образующей предметную область криминологического правового регулирования, имеющей особенности и пределы, обусловленные практической целесообразностью и возможностью правоприменения.

Определены задачи криминологического законодательства, состоящие в официальной регламентации изучения разнообразной информации о преступности, преступлениях, криминогенных детерминантах, личностях, совершающих преступления, правонарушения и ведущих антиобщественный образ жизни; в регулировании процедур (практик) предупреждения и пресечения антиобщественного поведения, правонарушений и преступлений, планирования предупредительной деятельности и прогнозирования, а также деятельности любых субъектов профилактики. Тенденция развития криминологического законодательства предусматривает возможность объединения норм, регулирующих единую предметную область по познанию преступности, ее криминогенных детерминантов, устранению либо нейтрализации причин или условий правонарушений и антиобщественного поведения в едином документе.

В четвертом параграфе *«Институциональные аспекты предупреждения преступного поведения административно-деликтными, уголовно-правовыми, уголовно-исполнительными, уголовно-процессуальными нормами и институтами»* обосновывается идея о том, что в рамках российского правового поля, на общефедеральном и региональном уровнях давно присутствует нормативное регулирование криминологической аналитико-управленческой деятельности, прогнозирования преступности, практик предупреждения преступного поведения, однако необходимой юридической основы для институционализации законодательного, управленческого и социального взаимодействия до настоящего времени не создано. Сложившаяся ситуация длительное время не позволяет

нейтрализовать либо устранить криминогенные детерминанты: отдельных экономических преступлений («финансовые пирамиды», обман и введение в заблуждение граждан (потребителей, клиентов и сторон экономических правоотношений) с целью хищения имущества либо приобретения права на имущество); общественно опасного агрессивного и насильственного поведения; краж; криминологического и уголовно-правового рецидива; а также решить проблемы ресоциализации бывших осужденных и помочь жертвам криминальных явлений. Более того, законодатель продолжает устанавливать преференции для экономических преступников в нарушение основополагающих принципов *равенства* и *справедливости* (федеральные законы № 215-ФЗ от 11.06.2021 и № 49-ФЗ от 09.03.2022).

Констатируется отсутствие нормативных институтов, регулирующих порядок сбора и хранения персонифицированной и неперсонифицированной информации о характеристиках преступления, о личностях, совершивших преступления и правонарушения, об индивидуальных свойствах жертв и специфических качествах объектов профилактики, как важнейших факторах, определяющих наказательную политику, а также отсутствие легитимации тактик предупреждения преступного поведения различными социальными, управленческими, правоохранительными средствами. Так как Федеральный закон № 182-ФЗ от 23.06.2016 является основой для построения институциональной нормативной системы предупреждения преступного поведения, предлагается дополнить ст. 16 «Основания для осуществления профилактики правонарушений» ч. 1.1, изложив ее в следующей редакции: *«Профилактика правонарушений осуществляется на основе мониторинга – анализа состояния преступности, ее структуры, динамики, причин и условий правонарушений, личностных особенностей правонарушителей, эффективности применяемых профилактических практик должностными лицами органов прокуратуры РФ, следственных органов Следственного комитета РФ, органов внутренних дел, Федеральной службы безопасности, Федеральной службы исполнения наказаний, иными лицами, уполномоченными на это государством во взаимодействии с Правительственной комиссией по профилактике правонарушений и координационными советами по профилактике правонарушений субъектов федерации».*

Выдвигается идея превентивной стратегии, предусматривающей уменьшение уголовно-правовой репрессии за счет активного применения принудительных мер (форм) профилактического воздействия, концентрации всех социальных механизмов на устранении криминогенной мотивации и нейтрализации возможности совершить преступление. Предполагается, что юридические пределы административно-деликтного, уголовно-правового, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, профилактического законодательства будут обусловлены общеиндивидуально-превентивной либо специально-криминологической функцией, две последние должны находиться в прямой зависимости от моделей поведения.

Обосновывается изъятие из ведения Гражданско-процессуального кодекса РФ, Кодекса об административном судопроизводстве РФ норм, регламентирующих процедуры применения принудительных мер как воспитательного, так и предупредительного характера, и передаче указанных процессуальных вопросов специально для этого созданной превентивной юстиции. Превентивная юстиция фиксирует права и обязанности участников, категоризирует пределы, основания профилактического производства, закрепит процедурные аспекты сбора информации в

отношении граждан. Рекомендуются в переходный период отнести вопросы превентивной юстиции к ведению Кодекса административного судопроизводства РФ, для чего необходимо внести изменения в гл. 7 «Меры предварительной защиты по административному иску», включив в ст. 85 КАС РФ меры, обеспечивающие защиту прав, свобод, законных интересов лиц, находящихся в зависимом, подчиненном положении по отношению к профилактируемому. В раздел IV «Особенности производства по отдельным категориям административных дел» необходимо включить гл. 29¹ *«Производство по административным делам об установлении принудительных мер профилактического воздействия либо отмене мер принудительного профилактического воздействия в отношении гражданина».*

Четвертая глава **«Криминологический анализ неформальных (неюридических) норм профилактики преступного поведения»** состоит из четырех параграфов. Первый параграф *«Неформальные нормы и институты в системе профилактики преступного поведения: криминологический дискурс»* содержит научно обоснованные размышления о предметной области неформальных норм и институтов профилактики преступного поведения, включающей явления и социальные проявления – нормы нравственности, обычаи, правила профессиональных организаций, культурные, религиозные, эстетические заповеди (мифы) и социальные предписания, обряды, ритуалы, требования этикета, корректности, приличия, связанные с обеспечением общественного порядка, процедурами разрешения конфликтов, которые способны формировать уникальные российские особенности предупреждения преступного поведения, гармонизировать криминологическую политику, обеспечивать взаимодействие нормативных правовых актов в области превенции преступности. Делается вывод о необходимости институционализации неформальных норм, способных эффективно противодействовать преступному поведению, т.е. включения их в систему, регулирующую антикриминальную профилактику и формирующую превентивные практики в зависимости от территориальной или специально-этнической специфики.

Автором приводятся доводы, подтверждающие регулятивные возможности и признаки обязывания у духовных ценностей, нравственных норм, традиций, которые стабилизируют криминогенные процессы. Цель неформальных нормативных институтов профилактики преступного поведения есть регуляция выживания, самосохранение и благоприятствование микрогруппы, установление требований и ориентиров дозволенного, недопущение хаоса, беспорядка, вседозволенности, закрепление поведенческих стереотипов. К антикриминальным стабилизаторам относятся традиционные правила поведения, отношения, представления (мифы), социальная иерархия, религиозные установки, ритуалы, требования приличия, связанные с обеспечением общественного порядка, интересов и прав индивидуума, обладающие признаком обязывания – потестарного понуждения. Генезис и единство отдельных антикриминогенных юридических и иных социальных норм наблюдается в регионах Северного Кавказа, Приволжского и Южного федеральных округов, где они уживаются в различных культурных средах, не исключая друг друга.

Соискатель поднимает вопрос о необходимости изучения в рамках науки криминологии (криминологической нормативной антропологии) наряду с юридическими нормами следующих неформальных институтов антикриминальной превенции: потестарного внутрисемейного понуждения родителями детей, склонных к антиобщественным поступкам; разрешения конфликтов посредством

совета старейших мужчин либо лиц, обладающих качествами лидера и авторитетом; механизмов поддержания порядка в коллективе (этнотипе, народности); правил добросовестного и морально одобряемого поведения; неформальных санкций, порождающих покаяние, стыдливость, раскаяние, приносящих морально-материальные издержки, остракизма; идентификации одобряемого поведения индивида с социальными, этническими, профессиональными правилами с целью разработки приемлемых для территориальных, географических, этнических сообществ мер (форм) профилактики антиобщественного поведения.

Во втором параграфе «*Институциональная роль неюридических криминорезистентных норм в системе противодействия преступному поведению*» рассматриваются неформальные нормы антикриминального характера с позиции их распространенности (повторяемости) в социуме, эффективности, доступности их использования государственными правоохранительными институтами, изученности научным сообществом, проводится анализ присутствия в сознании российских граждан понимания полезности следования моральным ценностям, а также представления о том, что законы должны основываться на базовых неюридических принципах, мифах, традиционных правилах, обусловленных микрогрупповой психологией и социальными ожиданиями стабильности бытия, общественной стабильности, безопасности близких людей.

Раскрывается институциональная роль неюридических криминорезистентных норм, которая предполагает сегментацию системы предупреждения преступного поведения, налаживание взаимодействия формальных нормативных институтов, обеспеченных властными полномочиями, и неформальных – с их потестарными механизмами контроля и управления в следующих направлениях: 1) толкование и обоюдная поддержка нравственных ценностей и моральных абсолютов, непреложного понимания добра и зла, добродетели и порока, благородства и низости, императивно-атрибутивных установок (обрядов, эмблем, священных вещей); 2) развитие образовательных и информационных методик, показывающих, что административно-деликтное и уголовно-правовое законодательство в целом либо его части религиозны по своему существу, потому что преступления (правонарушения), за которые устанавливаются наказания, есть деяния, посягающие на нечто трансцендентное, священное, коллективное, наиболее охраняемое и оберегаемое обществом; 3) формулирование концепции совместимости религиозности и антикриминальной направленности личности, которая будет поддерживать идею, что законопослушность и желание содействовать органам власти в превенции криминального поведения имеет богозаветное объяснение; 4) внедрение отраженной в Конституции РФ и поощрительных нормах Семейного кодекса РФ идеологии добропорядочной семейной жизни, пропагандирующей деторождение и здоровый образ жизни, уважение младшими старших, порицающей разводы и аморальное поведение родителей; 5) рассмотрение возможности использования отдельных традиционных институтов (примирения, прощения, компенсации за причиненный вред) в качестве механизма *praeter legem* (в дополнение к закону), применения их в случае пробелов в законодательстве.

В третьем параграфе «*Использование религиозных норм и институтов в профилактических целях: концептуальные идеи*» предлагается подход, способы, направления использования норм и нормативных институтов христианства, ислама, иудаизма, буддизма для предупреждения преступлений, правонарушений, антиобщественного поведения, воспитания правопослушности и правовой

покорности у населения. Основная идея заключается в адаптации к современной социальной российской действительности институтов формирования религиозной морали (религиозности) и непосредственной профилактической деятельности религиозных организаций.

Религиозность как антикриминальный компонент социальной жизни: 1) формирует высокую индивидуальную моральность и адаптацию к жизненным проблемам (уровень адаптации к условиям и режиму содержания у верующих осужденных – 130,6 балла, а у атеистов – 100,2 балла); 2) оказывает психотерапевтическое воздействие (уровень комфорта у верующих осужденных – 52,8 балла, у атеистов – 40,5 балла); 3) поддерживает здоровый консерватизм и образ жизни (доминирование стремлений к здоровому образу жизни у верующих – 9,07 балла, у атеистов – 3,6; допустимость половой распущенности, злоупотребления алкоголем у верующих средний показатель – 0,3146, у атеистов – 1,4259 балла); 4) сохраняет семейно-традиционные ценности (верующие осужденные – 72%, атеисты – 51%); 5) оценивает с позиции морали поведение человека и оправдывает принуждение в отношении индивидов, не желающих следовать правилам (определяют как необходимое 70% верующих и 50% атеистов).

Направления профилактической деятельности религиозных объединений: 1) информационно-просветительская работа; 2) помощь жертвам домашнего насилия; 3) профилактическое обучение; 4) наставничество несовершеннолетних; 5) содействие коррекционным превентивным программам в отношении лиц, освободившихся из мест лишения свободы; 6) помощь органам, исполняющим наказание, в работе с осужденными путем осуществления религиозной и пасторской деятельности; 7) участие в социальной адаптации наркоманов, алкоголиков, лиц, не имеющих постоянного места жительства.

Предлагается: 1) учитывая новеллы Федерального закона № 10-ФЗ от 06.02.2023 «О пробации в Российской Федерации», принять отдельный федеральный закон либо дополнения к уже существующему – Федеральному закону № 125-ФЗ от 29.06.1997 «О свободе совести и религиозных объединениях», где должно быть разрешено партнерство между правоохранительными органами, региональной (местной) властью и религиозными объединениями; 2) отразить в законодательстве, что превентивная деятельность религиозных объединений есть одна из форм социальных услуг и желающих получить ее гражданин волен в выборе, т.е. может обратиться в государственное (муниципальное) учреждение либо в церковь (мечеть, синагогу); 3) предоставить религиозным объединениям право на выполнение функций, свойственных исполнительной власти, учреждениям социальной защиты, образования, занятости, дать право участия в контрактной системе в качестве исполнителя работ и услуг для обеспечения государственных и/или муниципальных антикриминальных задач; 4) разрешить религиозным объединениям получать государственное финансирование своей профилактической деятельности и перераспределять эти средства среди своих структурных подразделений (церковных школ, миссионерских организаций, лагерей для несовершеннолетних).

В четвертом параграфе «Традиционные (обычные) социальные нормы и институты предупреждения преступного поведения» анализируются возможности комплексного использования традиционных культурно-нравственных ценностей и народных обычаев в профилактике преступного поведения на территории страны.

В Российской Федерации понятие «традиционные российские культурно-нравственные ценности» нормативно закреплено в Стратегии национальной безопасности 2021 года, сохранение духовно-нравственных ценностей, культурного и исторического наследия народов России является национальным приоритетом, ценности семейной жизни – составная часть целей Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации согласно Указу Президента РФ № 203 от 9.05.2017.

Реализовать профилактический потенциал традиционных норм на территории России возможно, если: 1) разрешить казачьим обществам и общественным организациям правоохранительной направленности участвовать в обеспечении охраны общественного порядка на территориях сельских населенных пунктов под руководством старост, для чего дополнить ст. 27¹ Федерального закона № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»; 2) предоставить старостам сельского населенного пункта конкретные полномочия по предупреждению мелких краж, семейного психического насилия, антиобщественного поведения несовершеннолетних, по надзору за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы; 3) адаптировать антикриминальные нормы этнических кодексов поведения к региональному законодательству о профилактике правонарушений; 4) развивать традиционный институт социально-этнической медиации и примирения, для чего необходимо внести соответствующие изменения и дополнения в Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», разъясняющие процесс, обязанности, пределы, а также в Кодекс об административных правонарушениях РФ, в ст. 76 УК РФ и 25 УПК РФ; 5) расширить институт раскаяния (ст. 75 УК РФ), включив в него не только добровольную явку с повинной, возмещение либо заглаживание вреда, причиненного деянием, но и обязательное покаяние – принесение публичных извинений жертве, принятие виновным обязательств не совершать в будущем любого преступления (правонарушения), возратить имущество потерпевшему или выплатить компенсации либо обещание компенсировать ущерб сразу при возникновении такой возможности, гарантии не совершать в дальнейшем действия, которые могут вызвать подозрения, и добродетельно вести себя в будущем; 6) привести размер компенсации моральных, нравственных, физических страданий, причиненных преступным поведением, в соответствии с положениями традиционных норм, учитывающих реальные расходы, понесенные потерпевшим на лечение, степень утраты трудоспособности, функциональных возможностей, психические и физические страдания; 7) возродить институт персонального и коллективного поручительства; 8) определить юридическое понятие потестарного (родительского, воспитательно-педагогического) понуждения, его пределы и основания применения.

Пятая глава **«Институционально-нормативное регулирование предупредительного воздействия на ранней, непосредственной и посткриминальной стадиях преступного поведения»** состоит из четырех параграфов. В первом параграфе *«Раннее предупреждение преступного поведения: основные направления институционально-нормативного регулирования»* изучены вопросы предупреждения преступного поведения системой норм, имеющих как юридическую, так и социальную природу, предназначенных для организации функционирования всех субъек-

тов профилактики и участников антикриминальной предупредительной деятельности, когда антиобщественные и криминальные интересы, потребности, жизненные планы, ценностные ориентации индивида находятся в стадии формирования.

Раннее предупреждение преступного поведения может быть эффективным при детальной законодательной регламентации участия граждан, общественных объединений, религиозных организаций в указанной деятельности на основе социально-культурных установок. Видится правильным использование модели управляемого вигилянства как вспомогательного института предупреждения безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, отдельных умышленных преступлений, а также различных аварий, технологических катастроф, нарушения правил безопасности дорожного движения. Коммуникация формальных и неформальных институтов предупреждения преступного поведения на ранней стадии может быть реализована при взаимодействии педагогического, традиционно-семейного и правоохранительного опыта за счет создания общественно-публичных «Комитетов помощи правоохранительным органам», института «Добровольных воспитателей». Такие общественно-публичные организации могут решать следующие задачи: 1) наводить справки, собирать информацию, искать негативные социальные связи, устанавливать лиц, оказывающих негативное влияние на профилактируемого; 2) проверять психологическую обстановку по месту учебы или работы; 3) устанавливать возможности применения амбулаторного или стационарного лечения; 4) оказывать помощь в трудоустройстве, смене места учебы; 5) выяснять желание и возможности участия правонарушителя в программах по социальной реабилитации и психологической помощи.

В параграфе рассмотрена необходимость законодательной оценки таких важных нормативных институтов предупреждения преступного поведения на ранней стадии, как: внутрисемейное потестарное понуждение, которое в целом совпадает с государственными интересами в сфере политики воспитания детей и подростков; участие внештатных сотрудников правоохранительных органов в осуществлении административного надзора и наделение их полномочиями по проверке соблюдения поднадзорными лицами ограничений.

Во втором параграфе *«Юридические и иные социальные нормы в механизме непосредственного предупредительного воздействия на преступное поведение»* рассматриваются вопросы нормативного регулирования непосредственно-предупредительного воздействия на лиц, принявших решение совершить преступление либо осуществляющих приготовление к совершению преступлений. Отмечается, что сущность профилактического эффекта заключается в изменении ценностно-потребностных ориентаций и криминогенных мотиваций личности, происходит отказ от намерения совершить преступление вследствие нейтрализующего воздействия юридических и иных социальных норм.

Определяются принципы действия формальных и неформальных норм в механизме предупреждения преступного поведения на стадии высокой вероятности совершения преступления, непосредственные объекты предупредительного воздействия.

Предлагается для профилактики указанной стадии поведения: использование традиционных, религиозных, профессиональных норм во взаимодействии с законодательством через специальные отделы профилактики при администрациях городского или сельского поселения (п. 15 ст. 14.1, п. 14 ст. 15.1, п. 16 ст. 16.1

Федерального закона № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»); введение процессуального права задержания в момент совершения преступления либо административного правонарушения (гражданский арест); расширение перечня форм (методов) профилактического воздействия, изложенных в ст. 17 Федерального закона № 182-ФЗ от 23.06.2016 «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» и в Федеральном законе № 120-ФЗ от 24.06.1999 «Об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; легализация примирительных комиссий и законодательное закрепление их полномочий и прав в рамках Федерального закона № 193-ФЗ от 27.07.2010 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»; наделение внештатных сотрудников, участвующих в охране общественного порядка и профилактике правонарушений, правом носить во время проведения мероприятий огнестрельное оружие ограниченного поражения, газовое оружие, электрошоковые устройства и искровые разрядники; привлечение религиозных объединений для профилактических бесед, поручительства, ресоциализации и социальной адаптации; создание специальных социально-психологических служб.

Третий параграф *«Формальные и неформальные нормы в посткриминальном предупреждении преступного поведения»* отражает позицию автора по посткриминальной профилактике преступного поведения лиц, освободившихся из мест лишения свободы либо осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, юридическими и иными социальными нормами. Подчеркивается, что указанная проблема для России достаточно актуальна: 1) удельный вес повторных преступлений в общем объеме в среднем составляет 56,6%; 2) количество лиц, имеющих судимость и совершивших преступления, растет, а удельный вес данной категории в общем объеме выявленных преступников достигает 30,0%; 3) лица, которые осуждались два раза и более, составляют в общем количестве содержащихся в исправительных учреждениях 61,5%; 4) социологические исследования констатируют в целом негативную оценку населением криминологического и уголовно-правового рецидива либо преступного профессионализма.

Предлагается создание координационного центра, задачами которого будет исследование, обобщение криминологических практик исправления и ресоциализации лиц, неоднократно совершивших преступления; координация деятельности публичных и общественных организаций, что позволит создать эффективную систему исправительного, превентивного, воспитательного воздействия. Обосновываются рекомендации по дополнению перечня ограничений, предусмотренных ч. 4 ст. 91 УК РФ; закреплению конкретных лиц, ответственных за исправление несовершеннолетних; установлению обязанности вносить представления в соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ, классификации лиц, совершивших умышленные преступления с учетом индивидуальных признаков (что предполагает конкретизацию ч. 1 ст. 6, ч. 3 ст. 60 УК РФ).

Излагается концепция о том, что критерий справедливости уголовно-правового воздаяния наиболее опасным и квалифицированным преступникам (рецидивистам и профессиональным преступникам) должен включать оценочные положения такого поведения религиозными, традиционными и обычными нормами, учитываться при определении размера наказания, условий и режима содержания, увеличивая сроки нахождения в исправительных учреждениях.

Обосновывается необходимость преобразования института уголовно-правового рецидива, создания селективной модели назначения и исполнения уголовного наказания, социальной реабилитации, предполагающей активное привлечение различных государственных, общественных, религиозных, коммерческих организаций к решению вопросов, связанных с культурной, воспитательной, учебной, производственной, экономической помощью и реабилитацией лиц, которые хотят отказаться от криминального образа жизни.

Четвертый параграф *«Специальный нормативный правовой акт, регулирующий отношения в сфере предупреждения преступного поведения: теоретическая модель»* посвящен теоретической модели единого нормативного правового акта, регулирующего предупреждение преступного поведения. В соответствии с российской законодательной традицией предлагается предметную систематизацию норм, регулирующих отношения в сфере предупреждения преступного поведения, реализовать в виде единого специального нормативного правового акта – *Кодекса о предупреждении преступлений, административных правонарушений и антиобщественного поведения*.

Отмечается, что указанный кодекс должен выполнять две главные функции: 1) регулировать предупреждение преступлений, административных правонарушений и антиобщественного поведения соответствующими субъектами; 2) служить моделью для создания регионами собственного единого нормативного правового акта об антикриминальной профилактике.

В параграфе подчеркивается, что формирование составных частей антикриминального превентивного нормативного правового акта должно инициироваться субъектами федерации. Российской Федерации следует регламентировать основные понятия, положения, права объектов и субъектов, обязанности объектов и субъектов, основания и пределы мер предупредительного воздействия, выполнять координационные и контрольные функции. Учитывая отсутствие исторических аналогий, можно отказаться от деления кодекса на общую и особенную части, а структурно разбить его на разделы: «Общие положения и понятия»; «Основания и формы предупредительного воздействия»; «Организация предупреждения преступлений, административных правонарушений и антиобщественного поведения»; «Процедурные вопросы предупреждения преступлений, правонарушений и антиобщественного поведения».

В **заключении** соискателем сформулированы основные выводы и описаны результаты диссертационного исследования.

В **список использованных источников** включены международные и российские нормативные акты, в том числе утратившие силу, материалы правоприменительной практики, диссертации и авторефераты диссертаций, монографии, научные статьи, учебная литература и ресурсы сети Интернет, использованные при написании работы.

В **приложении** приведены анкеты, которые послужили основой для криминологического-социологического анализа, изложенного в параграфе 4 главы 2.

СПИСОК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ, В КОТОРЫХ ИЗЛОЖЕНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

1. Петровский, А.В. О криминологической необходимости изучения современного управления / А.В. Петровский // Общество и право. – 2011. – № 4. – С. 206–211 (0,2 п.л.).

2. Петровский, А.В. Уголовное законодательство Афганистана: происхождение, источники / А.В. Петровский // Современное право. – 2014. – № 10. – С. 152–157 (0,2 п.л.).

3. Петровский, А.В. Уголовное законодательство в средневековой Османской империи: взаимодействие шариата и светских нормативных актов / А.В. Петровский // Вестник Орловского государственного университета. Сер.: Новые гуманитарные исследования. – 2014. – № 1 (36). – С. 32–37 (0,2 п.л.).

4. Петровский, А.В. Религиозные и философские основы мусульманского уголовного права / А.В. Петровский // Юридическая наука. – 2015. – № 1. – С. 20–26 (0,2 п.л.).

5. Петровский, А.В. Кибер- и интернет-преступность в Германии и России: возможности сравнительного исследования / О.А. Зигмунт, А.В. Петровский // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 4 (34). – С. 180–188 (0,3/0,2 п.л.).

6. Петровский, А.В. Религиозно-правовые практики разрешения криминальных конфликтов в исламских государствах / А.В. Петровский // Общество и право. – 2016. – № 2 (56). – С. 152–159 (0,3 п.л.).

7. Петровский, А.В. Учение о запрещении осуждаемого как источник профилактики преступного поведения в исламских государствах / А.В. Петровский // Юридическая мысль. – 2016. – Т. 95, № 3. – С. 112–117 (0,2 п.л.).

8. Петровский А.В. Уголовно-правовые практики противодействия должностным преступлениям в исламских республиках Афганистан и Пакистан / А.В. Петровский // Юридическая наука. – 2016. – № 4. – С. 101–104 (0,2 п.л.).

9. Петровский, А.В. Дискурс о криминологическом законодательстве в России / А.В. Петровский // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2017. – № 4 (24). – С. 479–488 (0,4 п.л.).

10. Петровский, А.В. Российское криминологическое законодательство: попытка критического анализа / А.В. Петровский // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – № 3 (33). – С. 382–389 (0,4 п.л.).

11. Петровский, А.В. Формальные и неформальные криминологические нормативные институты / А.В. Петровский // Общество: политика, экономика и право. – 2019. – № 11 (76). – С. 105–109 (0,4 п.л.).

12. Петровский, А.В. Дискуссионные положения Общей части Российского уголовного кодекса с учетом концепции «превентивной стратегии» / А.В. Петровский // Журнал правовых и экономических исследований. – 2019. – № 4. – С. 113–118 (0,3 п.л.).

13. Петровский, А.В. Использование традиционных (обычных) социальных норм в предупреждении преступлений: на примере адыгов / А.В. Петровский // Юридическая мысль. – 2019. – № 2–3 (112–113). – С. 45–53 (0,5 п.л.).

14. Петровский, А.В. Институты российского криминологического законодательства / А.В. Петровский // Российский следователь. – 2020. – № 1. – С. 49–52 (0,3 п.л.).
15. Петровский, А.В. Криминологические критерии оценки эффективности мер индивидуальной профилактики преступного поведения / А.В. Петровский // Журнал правовых и экономических исследований. – 2020. – № 2. – С. 72–77 (0,4 п.л.).
16. Петровский, А.В. Проблемы конструирования норм и институтов профилактики семейно-бытового насилия / А.В. Петровский // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 55–62 (0,3 п.л.).
17. Петровский, А.В. Мифология Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года / А.В. Грошев, А.В. Петровский // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 8 (150). – С. 89–93 (0,3/0,2 п.л.).
18. Петровский, А.В. Преступность и ее предупреждение в сельских районах Краснодарского края и Республики Адыгея / А.В. Петровский // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 10 (152). – С. 40–45 (0,4 п.л.).
19. Петровский, А.В. Доверие между полицией и представителями общества в парадигме предупреждения преступлений: европейский опыт / А.В. Петровский // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2020. – № 3. – С. 33–38 (0,4 п.л.).
20. Петровский, А.В. Социально-психологические причины молодежного экстремизма в Краснодарском крае / В.П. Коняхин, А.В. Петровский, М.Л. Прохорова // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 6. – С. 724–733 (0,3/0,1 п.л.).
21. Петровский, А.В. Взаимодействие традиционных и религиозных нормативных институтов предупреждения преступного поведения с законодательством Российской империи в XIX – начале XX в. / А.В. Петровский // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 9 (98). – С. 88–93 (0,4 п.л.).
22. Петровский, А.В. Предупреждение экстремизма в молодежной среде: поиск оптимальной модели / Т.Ю. Батютина, В.П. Коняхин, А.В. Петровский // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 10 (99). – С. 36–41 (0,3/0,1 п.л.).
23. Петровский, А.В. Национально-религиозные и государственно-традиционные нормативные системы предупреждения преступного поведения: компаративистский анализ / А.В. Петровский // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 10 (164). – С. 113–118 (0,4 п.л.).
24. Петровский, А.В. Отображение теории конфликта в практиках противодействия преступности (на примере УК РСФСР 1922 г.) / А.М. Васильев, В.Е. Зелик, А.В. Петровский // Российский следователь. – 2022. – № 5. – С. 15–17 (0,1/0,08 п.л.).
25. Петровский, А.В. Допустимость гражданского вигилантизма в России в качестве механизма предупреждения преступного поведения / А.В. Петровский // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 113–122. (0,4 п.л.).
26. Петровский, А.В. Потестарные меры (формы) воспитательно-профилактического воздействия в отношении несовершеннолетних: кримино-

логическое познание феномена / А.В. Петровский // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 89–96 (0,3 п.л.).

27. Петровский, А.В. О перспективах использования социальных неюридических норм в профилактике преступного поведения / А.В. Петровский // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – № 2 (62). – С. 151–156 (0,2 п.л.).

28. Петровский, А.В. Моральные ценности и традиционные (обычные) нормы в институциональной системе предупреждения преступлений / А.В. Петровский // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 5 (181). – С. 133–136 (0,2 п.л.).

29. Петровский, А.В. Социология международного уголовного права: история и современность / В.П. Коняхин, А.В. Петровский, М.Л. Прохорова // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2023. – № 2. – С. 78–87 (0,4/0,1) п.л.).

Статьи в изданиях, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования

30. Petrovskiy, A. Crime and Crime Prevention at Krasnodar Krai Tourist Resorts: A study of crime, fear of crime and crime prevention / V. Konyakhin, A. Petrovskiy // Journal of Criminal Investigation and Criminology / Levija za Kriminalistiko in Kriminologijo. – 2016. – № 4 (67). – p. 339–348 (0,4/0,2 п.л.).

31. Petrovskiy, A. Perceptions of safety/security as factors in selecting a tourist destination: a comparison between Portorož (Slovenia) and Gelendzhik (Russia) / K. Eman, B. Lobnikar, A. Petrovskiy, G. Meško // Criminal Justice and Security in Central and Eastern Europe From Common Sense to Evidence-based Policy-making Conference Proceedings / Ed: G. Meško, B. Lobnikar, K. Prislán, R. Hacin. – Maribor: University of Maribor Press, 2018. – p. 485–496 (0,4/0,1 п.л.).

32. Petrovskiy, A. Safety, Security, and Crime Prevention in Rural Areas of Krasnodarskiy Krai and the Republic of Adygea/ A. Petrovskiy // Varstvoslovje, Journal of Criminal Justice and Security. – 2020. – №. 3. – p. 312–328 (0,7 п.л.).

33. Petrovskiy, A.V. Individualization of punishment in the context of the public's fear of crime / A.V. Petrovskiy, V.P. Konyakhin, L.A. Prokhorov, M.L. Prokhorova M.L., R.G. Aslanyan // SHS Web of conferences IX Baltic Legal Forum “Law and Order in the Third Millennium”. – Kaliningrad, 2021. – p. 2–13 (0,5/0,1 п.л.).

Монографии и учебные пособия

34. Петровский, А.В. Мусульманское уголовное право и особенности уголовного законодательства мусульманских государств: монография / А.В. Петровский. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. – 91 с. (3,8 п.л.).

35. Петровский, А.В. Предупреждение преступлений: учебное пособие / Е.А. Елец, С.Г. Дзиконская, А.В. Петровский. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. – 136 с. (8,5/2,8 п.л.).

36. Петровский, А.В. Криминология: учебное пособие / Н.В. Артеменко, А.Л. Гуринская, Л.А. Закаляпина, И.В. Морозова, А.В. Петровский, Т.В. Пинкевич, А.Л. Скиба, С.Д. Цэнгэл, Л.М. Щербакова; отв. ред. Я.И. Гишинский, В.Н. Орлов. М.: Компания КноРус, 2019. – 374 с. Глава: Предупреждение преступлений. (0,5 п.л.).

37. Петровский, А.В. Российская институциональная система криминологических норм / А.В. Петровский. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. – 173 с. (7,2 п.л.).

38. Петровский, А.В. Правовые семьи современности: исторические корни, основные черты и некоторые правовые институты: учебное пособие / Г.Э. Адыгезалова, А.С. Даниелян, Е.В. Епифанова, Л.В. Каранушенко, Д.Е. Михель, А.В. Петровский, Т.В. Фарои, В.Д. Ярыш. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 293 с. (12,2/1,5 п.л.).

39. Петровский, А.В. Российское криминологическое право. Общая и Особенная части: учебник / А.В. Звонов, А.Е. Михайлов, О.И. Нестерова, В.Н. Орлов, А.В. Петровский; под ред. В.Н. Орлова. СПб.: Университет ФСИН России; М.: Российская криминологическая библиотека. 2021. – 280 с. Глава 3. Криминологическое законодательство и неформальные социальные нормы. Глава 5. Предупреждение правонарушений и антиобщественных деяний несовершеннолетних (2 п.л.).

40. Петровский, А.В. Криминология: учебник / А.В. Артеменко, Я.И. Гилянский, А.Л. Гуринская, М.С. Дикаева, Л.А. Закаляпина, И.В. Морозова, В.Н. Орлов, А.В. Петровский, Т.В. Пинкевич, А.П. Скиба, С.Д. Цэнгел, Л.М. Щербакова; под ред. Я.И. Гилянского, В.Н. Орлова. М.: Юстиция, 2021. – 374 с. Глава 4: Предупреждение преступлений (0,5 п.л.).

Статьи в иных научных изданиях

41. Петровский, А.В. Проблемы миграции и особенности социально-этнической поляризации в Краснодарском крае как последствия внутригосударственных репрессий / А.В. Петровский // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2005. – № 1 (8). – С. 120–127 (0,3 п.л.).

42. Петровский, А.В. Общественная опасность и общество / А.В. Петровский // Современные проблемы права: материалы Общерос. науч. конф. – Краснодар: Институт экономики, права и гуманитарных специальностей. – 2009. – С. 80–88 (0,3 п.л.).

43. Петровский, А.В. Влияние общественного мнения на уголовно-правовую политику России / Петровский А.В. // Проблемы уголовной политики, экологии и права: сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. – СПб: БИЭПП-БИИЯМС, –2010. – С. 386–391 (0,3 п.л.).

44. Петровский, А.В. Российский этос и уголовно-правовая культура / А.В. Петровский // Личность, общество, государство. Проблемы развития и взаимодействия: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар: Традиция. – 2010. – С. 312–315 (0,2 п.л.).

45. Петровский, А.В. Влияние совершенствования уголовного законодательства на криминологическую обстановку / А.В. Петровский // Совершенствование уголовного законодательства в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: БИЭПП-БИИЯМС, – 2011. – С. 278–284 (0,2 п.л.).

46. Петровский, А.В. Этнический менталитет и национальное публично-деликтное законодательство / А. В. Петровский А.В. // Проблемы национальной безопасности России в XX–XXI вв.: Уроки истории и вызовы современности:

- материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Традиция. – 2011. – С. 259–262 (0,1 п.л.).
47. Петровский, А.В. Истоки материального взгляда на определение преступления в работах правоведов XVIII — начала XIX вв. / А.В. Петровский // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. – 2011. – № 3 (22). – С. 12–16 (0,2 п.л.).
48. Петровский, А.В. Институциональный подход к экологическим уголовно-правовым деликтам / А.В. Петровский // Экология и уголовное право: поиск гармонии: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной подготовке XXII Олимпийских зимних игр в Сочи. – Краснодар: ЭДВИ. – 2011. – С. 93–99 (0,2 п.л.).
49. Петровский, А.В. Криминологический взгляд на современные проблемы управления / А.В. Петровский // Уголовное законодательство и экономика: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – СПб. – 2012. – С. 206–211 (0,2 п.л.).
50. Петровский, А.В. Внутрисемейная преступность и преступления против женщин в мусульманском мире / А.В. Петровский // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. – 2013. – № 4. – С. 79–83 (0,1 п.л.).
51. Петровский, А.В. Арабская весна: взгляд криминолога / А.В. Петровский // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. – 2014. – № 3 (34). – С. 81–87 (0,3 п.л.).
52. Петровский, А.В. Российская уголовная политика и управленческая преступность: проблемы и перспективы / А.В. Петровский // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2014. – № 3 (3). – С. 63–68 (0,2 п.л.).
53. Петровский, А.В. Противодействие терроризму и финансово-экономической преступности в Афганистане и Пакистане в эпоху перемен в мусульманском уголовном праве / А.В. Петровский // Право и общество. – 2014. – № 3 (11). – С. 103–107 (0,2 п.л.).
54. Петровский, А.В. Религиозные и философские основы мусульманского уголовного права / А.В. Петровский // Юридическая наука. – 2015. – № 1. – С. 20–26 (0,2 п.л.).
55. Петровский, А.В. Страх перед преступностью: региональная характеристика, особенности и причины / А.В. Петровский // Наука и знание: векторы развития конкурентоспособности общества, науки и бизнеса: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. – Новороссийск: Московский гуманитарно-экономический институт Новороссийский филиал, – 2015. – С. 201–206 (0,2 п.л.).
56. Петровский, А.В. Виды наказаний в уголовном законодательстве исламских республик Афганистан и Пакистан / А.В. Петровский // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. – М.: Издательство ООО «Проспект», –2016. – С. 534–537 (0,2 п.л.).
57. Петровский, А.В. Уголовно-правовые особенности борьбы с финансово-экономическими преступлениями в исламских республиках Афганистан и Пакистан / А.В. Петровский // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью: материалы 1-й Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар: Издательство ООО «Издательский Дом-Юг», –2016. – С. 207–216 (0,2 п.л.).

58. Петровский, А.В. Эффективность профилактического законодательства и проблема страха перед преступностью / А.В. Петровский, Е.А. Елец // Проблемы эффективности права в современной России: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский государственный университет. – 2016. – С. 315–323 (0,4/0,2 п.л.).

59. Петровский, А.В. Криминологические проблемы декриминализации побоев в Российской Федерации / А.С. Анисимова, А.В. Петровский // Наука и знание: конкурентоспособность общества, науки и бизнеса в условиях мировых интеграционных процессов: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Новороссийск: Московский гуманитарно-экономический институт Новороссийский филиал. – 2017. – С. 15–17 (0,1/0,1 п.л.).

60. Петровский, А.В. Ситуационное предупреждение преступлений: вопросы законодательного закрепления / А.В. Петровский А.В. // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2017. – № 4 (33). – С. 19–23 (0,2 п.л.).

61. Петровский, А.В. «Курортная» преступность: криминологический анализ (на примере Краснодарского края) / А.В. Петровский, В.П. Коняхин // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. – 2018. – № 1 (4). – С. 54–74 (1/0,5 п.л.).

62. Петровский, А.В. Криминологическое законодательство в России: сущее и перспективы / А.В. Петровский // Экономика. Право. Печать. – 2018. – № 1 (77). – С. 73–81 (0,3 п.л.).

63. Петровский, А.В. Предупреждение преступлений: зарубежный опыт и региональный аспект / В.П. Коняхин, В.Н. Куфлева, А.В. Петровский // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 9–15 (0,3/0,1 п.л.).

64. Петровский, А.В. Региональное криминологическое законодательство и мониторинг в сфере профилактики правонарушений / А.В. Петровский, М.Л. Прохорова // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 57–64 (0,4/0,2 п.л.).

65. Петровский, А.В. Ситуационные криминологические теории и предупреждение преступного поведения / А.В. Петровский // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар: «Издательский Дом–Юг». – 2018. – С. 158–164 (0,2 п.л.).

66. Петровский, А.В. Проблемы имплементации норм международного права в криминологическое законодательство Российской Федерации / А.В. Петровский // Очерки новейшей камералистики. – 2018. – № 4. – С. 39–43 (0,3 п.л.).

67. Петровский, А.В. Принудительные формы (меры) профилактического воздействия в Российской Федерации / А.В. Петровский // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 49–55 (0,3 п.л.).

68. Петровский, А.В. Законодательные институты предупреждения преступлений в России: проблемы и тенденции / А.В. Петровский // Правовые, экономические и гуманитарные вопросы современного развития общества: теоретические и прикладные исследования: сборник науч. трудов – Новороссийск: Московский гуманитарно-экономический университет. – 2019. – С. 105–110 (0,5 п.л.).

69. Петровский, А.В. Институт уголовно-процессуальной превенции в системе профилактики в Российской Федерации / А.В. Петровский // Правовые, экономические и гуманитарные вопросы современного развития общества: теоретические и прикладные исследования: сборник науч. трудов – Новороссийск. Издательство: Московский гуманитарно-экономический университет. – 2019. – С. 76–80 (0,2 п.л.).

70. Петровский, А.В. Проблемные вопросы соотношения уголовно-процессуального и криминологического законодательства в Российской Федерации / А.В. Петровский // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всерос. науч.-практ. симпозиума. – Краснодар: Издательство КубГУ. – 2019. – С. 105–107 (0,3 п.л.).

71. Петровский, А.В. Социальная профилактика правонарушений: соотношение формального и неформального / А.В. Петровский // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2019. – № 3. – С. 18–23 (0,3 п.л.).

72. Петровский, А.В. Вопросы изменения российского уголовного законодательства с учетом концепции превентивного подхода (proactive approach) / А.В. Петровский // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сборник материалов XVII Междунар. науч.-практ. конф. – М.: Издательство: РГ-Пресс. – 2020. – С. 52–58 (0,3 п.л.).

73. Петровский, А.В. О критериях оценки эффективности криминологических мер индивидуальной профилактики преступного поведения / А.В. Петровский // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: материалы XII Российского конгресса уголовного права. – М.: Юрлитинформ, – 2020. – С. 405-409 (0,2 п.л.).

74. Петровский, А.В. Формирование криминологического законодательства с учетом изменений Конституции РФ / А.В. Петровский // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики-2020: сборник докладов по материалам Междунар. науч.-практ. конф. – Ростов н/Д; Таганрог: Южный федеральный университет. – 2020. – С. 481–484 (0,2 п.л.).

75. Петровский, А.В. Законодательные институты превенции преступного поведения в механизме обеспечения антикриминальной безопасности / А.В. Петровский // Реакция государства на преступное поведение, уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственности в системе мер обеспечения национальной безопасности: сборник материалов круглого стола. – Тольяти: ООО «Самарама». – 2020. – С. 115–120 (0,3 п.л.).

76. Петровский, А.В. Некоторые аспекты уголовно-правовой защиты участия граждан в деятельности по предупреждению преступлений / А.В. Петровский // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. – СПб.: СПб. университет МВД РФ, – 2021. – С. 190–195 (0,3 п.л.).

77. Петровский, А.В. Концептуальные идеи профилактики антиобщественного поведения несовершеннолетних / А.В. Петровский // Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних и молодежи: материалы Межвузовской науч.-практ. конф. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, – 2021. – С. 43–48 (0,3 п.л.).

78. Петровский, А.В. Вопросы преемственности законодательного регулирования участия религиозных деятелей в предупреждении преступного поведения / С.Ф. Милюков, А.В. Петровский // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Краснодар: КубГУ, – 2021. – С. 346–356 (0,4/0,2 п.л.).

79. Петровский, А.В. Принципы законности и справедливости в реализуемой государством уголовной политике по защите жертв преступлений / А.В. Петровский // «Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион». – 2022. – С. 365–374 (0,4 п.л.).

80. Петровский, А.В. Правовое просвещение и информирование в контексте профилактики правонарушений на муниципальном уровне / А.В. Петровский // Наука и знание: актуальные проблемы устойчивого экономического развития регионов России: правовые, социально-экономические и гуманитарные аспекты развития и обеспечения безопасности: материалы XXIV Междунар. науч.-практ. конф. – Новороссийск: Московский гуманитарно-экономический институт Новороссийский филиал. – 2022. – С. 105–108 (0,2 п.л.).

81. Петровский, А.В. Функциональная особенность межотраслевых связей криминологического, административно-деликтного и уголовного законодательства / А.В. Петровский // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения: материалы XIII Российского конгресса уголовного права – М.: «Юрлитинформ». – 2022. – С. 399–403 (0,3 п.л.).

82. Петровский, А.В. Факторы насилия в общеобразовательных школах Республики Адыгея и Краснодарского края: вопросы выявления, анализа и нейтрализации / А.В. Петровский // Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних и молодежи: материалы Межвуз. науч.-практ. конф. – СПб.: Печатный Цех, – 2022. – С.40–43 (0,1 п.л.).

83. Петровский, А.В. Отображение в уголовном наказании принципиальных положений обычного права / А.В. Петровский // Эффективность российского правосудия по уголовным делам: современное состояние и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар: «Издательский Дом-Юг», – 2022. – С. 147–152 (0,2 п.л.).

84. Петровский, А.В. Координационные органы по профилактике правонарушений субъектов федерации / А.В. Петровский // Очерки новейшей камералистики. – 2022. – № 3. – С. 23–27 (0,3 п.л.).

85. Петровский, А.В. Актуальные проблемы законодательного регулирования аналитико-криминологической деятельности в России / А.В. Петровский // Совершенствование законодательной и правоприменительной практики в сфере уголовно-правовых наук в современных условиях: дискуссионные вопросы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Тула: Тульский государственный университет. – С. 324–329 (0,4 п.л.).

86. Петровский, А.В. Организация предупреждения преступлений полицейскими подразделениями с участием населения в Центральной Европе (на примере Австрии, Венгрии, Германии, Хорватии, Чехии) / А.В. Петровский // Очерки новейшей камералистики. – 2023. – № 2. – С. 41–45 (0,25 п.л.).

87. Петровский, А.В. Институциональные аспекты предупреждения преступного поведения криминологическим, уголовным, уголовно-

исполнительным и уголовно-процессуальным законодательством / А.В. Петровский // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. – Донецк: ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции» Минюста России. – 2023. – С. 471–477 (0,25 п.л.).

88. Петровский, А.В. Профилактическая взаимосвязь административно-деликтного, уголовного и уголовно-процессуального законодательства / А.В. Петровский // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов X Междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: Центр научно-производственных технологий «Астерион», – 2023. – С. 189–196 (0,4 п.л.).

Петровский Антон Владимирович

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-НОРМАТИВНАЯ СИСТЕМА
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Подписано в печать 14.11.2023. Формат 60×84 1/16.
Печать цифровая. Объем 2,5 п.л. Тираж 150 экз. Заказ № _____

Тираж отпечатан с оригинал-макета заказчика
в типографии ООО «Просвещения-Юг»
350080, г. Краснодар, ул. Бородинская, 160/5